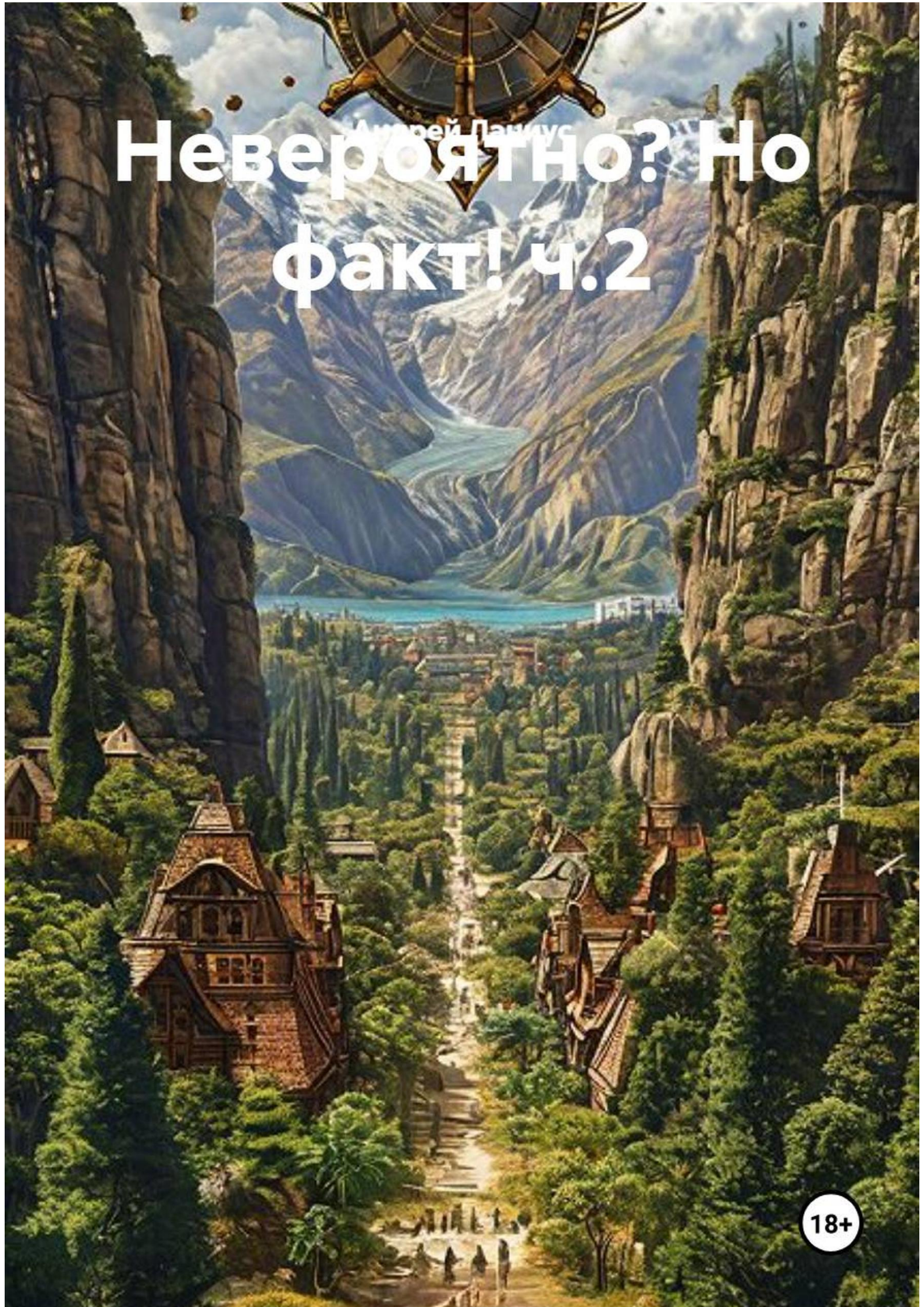

Невероятно? Но факт! ч.2

18+

Андрей Ланиус

Невероятно? Но факт! ч.2

«Автор»

2026

Ланиус А.

Невероятно? Но факт! ч.2 / А. Ланиус — «Автор», 2026

Сборник занимательных, научно - популярных историй из истории человечества за все время существования одного человечества.

© Ланиус А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 Кино про шпионов / Спецслужбы/	5
Глава 2 Кинофабрика грёз доктора Геббельса -1 /История/	11
Глава 3 Загадка инженера / Тайны прошлого/	17
Глава 4 Последний самоучка / Изобретение/	25
Глава 5 Кинофабрика грёз доктора Геббельса -2 /История/	37
Глава 6 Случай в тайге / Мистика/	43
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Андрей Ланиус

Невероятно? Но факт! ч.2

Глава 1 Кино про шпионов / Спецслужбы/

Буквально с момента зарождения кинематографа как рода искусства его первопроходцы начали снимать фильмы о шпионаже. Уже в 1899 году на экраны вышла кинокартина Жоржа Мелье Дело Дрейфуса, рассказавшая о судьбе офицера французского Генштаба А.Дрейфуса, еврея по происхождению, который был несправедливо обвинен в шпионаже в пользу Германии и приговорен к пожизненной каторге. Под давлением общественного мнения, в котором громко звучал голос деятелей культуры, в том же 1899 году Дрейфус был помилован, а позднее реабилитирован

ОХОТА ЗА ЗРИТЕЛЕМ

Итоги Первой мировой войны дали бурный толчок развитию шпионского жанра в киноискусстве. Во многом благодаря именно кинематографу сложилась легенда об изощренной, романтической, загадочной, обольстительно красивой похитительнице важнейших государственных секретов, жрице постельного шпионажа, шпионажа по любви Мата Хари. Только в период между двумя мировыми войнами было выпущено не менее дюжины художественных лент об этой голландской танцовщице. В лучших из них снимались звезды мирового экрана. Так, роль неутомимой шпионки в фильме Дж. фон Штенберга Опозоренная (Икс-21) сыграла в 1931 году блистательная Марлен Дитрих, а еще через год в фильме Дж. Фитцмориса Мата Хари этот же образ воплотила неподражаемая Грета Гарбо. И хотя, по мнению специалистов, подлинная Мата Хари не совершила даже сотой доли приписываемых ей акций и вообще пострадала лишь за свое легкомысленное согласие сотрудничать с немцами, но для подавляющего большинства зрителей она навсегда осталась королевой шпионажа

Не остался в стороне от шпионской темы и такой признанный мастер кино, как Альфред Хичкок. Деятельности спецслужб, поискам тайных агентов, асам закулисных интриг посвящены многие его фильмы, в том числе 39 ступенек (1935) и Секретная армия (1936). В этих лентах образ врага еще расплывчат и туманен, в них хорошие парни борются с плохими и, конечно же, побеждают. Но уже через год Хичкок снимает фильм четкой антигитлеровской направленности – Диверсия. Затем следует Иностраннный корреспондент (1940).

В том же 1940-м году другой известный режиссер – Фр. Ланг – ставит фильм Охота на человека, где английский разведчик готовит покушение на Гитлера.

Другой модной темой шпионского кино этого периода выступает так называемая желтая угроза.

Уже упоминавшийся фон Штенберг снимает в 1932-м году фильм Шанхайский экспресс с Марлен Дитрих в главной роли. Француз Жан Деланнуа выпускает в 1939 году киноленту Макао, игра по-крупному, сюжетные коллизии которой переплетаются вокруг событий японо-китайской войны. В США Дж. Хьюстон ставит картину Мальтийский сокол по бестселлеру Хэммета, значительно переработав авторский сюжет. По ходу фильма некий неприкаянный американец предлагает законспирированному японскому разведчику купить у него военные секреты. Японец соглашается, не подозревая, что его собеседник – ловкий агент американских спецслужб. По иронии судьбы, Мальтийский сокол вышел на экраны на следующий день после нападения японцев на Перл-Харбор.

ЛЕГЕНДАРНАЯ БОНДИАНА

Целой эпохой в послевоенном шпионском кино стала экранизация романов британского писателя и разведчика Яна Флеминга про суперагента Джеймса Бонда.

За свою сравнительно недолгую жизнь (1908-1964) Флеминг успел написать про своего героя 14 романов, два из которых увидели свет уже после преждевременной кончины мэтра.

А до того, как избрести агента 007, Флемингу довелось немало поколесить по свету и даже принимать участие в тайных операциях секретной службы Ее Величества.

Совсем молодым репортером агентства Рейтер он побывал в 1933 году в Москве на процессе, где судили инженеров британской фирмы Метрополитен-Виккерс по обвинению в саботаже и шпионаже. Здесь Флеминг имел возможность слушать выступления обвинителя Вышинского и председателя суда Ульриха.

Вторично он побывал в Москве в 1939 году в составе торговой делегации. Есть данные, что он пытался взять интервью у Сталина, но их встреча так и не состоялась.

Впечатления от поездок в СССР помогли Флемингу позднее написать роман Из России с любовью. В нем он вывел немало несимпатичных личностей. В частности, жестокого генерала СМЕРШа Грубозабойщикова, которого, как утверждают, он списал якобы с Абакумова, одного из руководителей ведомства на Лубянке.

И всё же Флеминг заявил позднее: Русские мне всегда нравились как народ, и в Москве я работал с удовольствием...

Между прочим, шпионские книги Флеминга, быстро завоевавшие популярность в Англии, поначалу были почти неизвестны в континентальной Европе.

Лишь после выхода в 1963 году фильма Т.Янга Джеймс Бонд против доктора Но, с Шоном Коннери в главной роли, этот персонаж становится знаменитым во всем мире.

Многие фильмы про агента 007 вышли на экран уже после смерти Флеминга. Неизвестно, как бы отнесся автор к тому, что сценарии начали всё больше расходиться с содержанием романов. Режиссеры оправдывали эту перекройку стремлением угнаться за научно-техническим прогрессом: ведь теперь для динамики сюжета агенту 007 приходилось иметь дело с последними достижениями космонавтики, информатики, робототехники и т.д.

Целая галерея известных постановщиков участвовала в создании бондиады. Один только Альберт Ромоло Брокколи снял 19 фильмов.

Точно так же в роли Джеймса Бонда пробовали себя многие признанные мастера большого экрана. И всё же подавляющее большинство зрителей отдали свои симпатии образу, воплощенному Шоном Коннери...

НА СТРАЖЕ АЭРОГРАДА

В СССР зритель всегда валом валил на кино про шпионов.

Одним из зачинателей жанра был, как это ни покажется странным, будущий классик советского кинематографа Александр Довженко.

В 1927 году он снял полнометражный немой фильм Портфель дипломатического курьера. Сюжет навеян теми же событиями, которые вдохновили Маяковского на создание стихотворения Товарищу Нетте, пароходу и человеку. Перипетии фильма разворачиваются в мчащемся экспрессе и на морском лайнере. Злобные враги охотятся за большевистским курьером, убивают его, но портфель с важной дипломатической почтой им так и не достается.

В 1935 году в кинопоэме Аэроград Довженко снова обращается к шпионской теме, приглашая для съемок популярных актеров С.Столярова, С.Шкурата, С.Шагайду.

Действие фильма происходит в Маньчжурии. Японские шпионы-самураи собираются взорвать военные самолеты на нашем аэродроме. Но отважные советские разведчики дают им сокрушительный отпор. В основу фильма легли подлинные события вокруг Китайско-Восточной железной дороги.

ОДИН ПРОТИВ ВСЕХ

Новый этап в съемках фильмов про советских чекистов начался после Великой Отечественной войны.

Поистине культовой стала картина Подвиг разведчика с Павлом Кадочниковым в главной роли. Прототипом героя послужил легендарный советский разведчик Николай Кузнецов. Правда, параллели тут можно провести весьма условные. Слишком уж карикатурными выглядят на экране образы врагов. Тем не менее, фильм пользовался колоссальным успехом у зрителей, а персонаж, созданный Кадочниковым, стал кумиром для миллионов. Добрых полтора десятилетия эта лента считалась образцом приключенческого жанра в советском кино.

В конце 50-х годов пика популярности достиг приключенческий роман советского украинского писателя Юрия Дольд-Михайлика И один в поле воин.

Он издавался миллионными тиражами, переводился на многие языки народов СССР.

В 1960 году по мотивам этого бестселлера был снят фильм Вдали от Родины.

Действие происходит на германо-советском фронте, а также в Германии, Италии, Франции.

Под именем барона Генриха фон Гольдринга в немецкий штаб проникает советский разведчик Григорий Гончаренко.

Обманув бдительность не слишком проницательных эсэсовцев, наш герой совершает множество подвигов, оставаясь при этом вне подозрений: выведывает тайну секретного подземного завода, выкрадывает чертежи чудо-оружия, помогает бежать конструктору-антифашисту, ликвидирует гестаповцев и предателей, выручает из беды французских партизан...

В фильме снимались звезды советского кино – Зинаида Кириенко, Михаил Козаков, Вадим Медведев и другие, но оглушительного успеха лента все-таки не снискала, очевидно, по той причине, что сюжет повторял уже хорошо знакомые зрителям ходы.

ОБМЕН НА МОСТУ

Но вот в прокат вышел фильм Мертвый сезон. В нем было много непривычного, неожиданного. Так, вступительное слово к фильму произносил с экрана действующий советский разведчик Рудольф Абель.

Из его сдержанной речи нетрудно было понять, что наш противник далеко не глуп и тоже умеет устраивать ловушки и просчитывать варианты. И вообще, агентурная работа в чужой стране редко сводится к перестрелкам и погоням, но куда чаще принимает форму интеллектуального поединка.

А еще из этого фильма многие зрители узнали впервые для себя, что существует практика обмена разоблаченных агентов. В Мертвом сезоне этот эпизод является, пожалуй, одним из ключевых.

Сам Абель (он же Вильям Фишер, он же Марк) тоже прошел через эту процедуру.

Он был арестован в Нью-Йорке летом 1957 года в результате предательства и приговорен к 30 годам тюремного заключения.

Через четыре с половиной года, 10-го февраля 1962-го года нашего разведчика обменяли на американского летчика Пауэрса, сбитого под Свердловском 1-го мая 1960-го года.

Обмен проводился на мосту Глиникер-брюкке в районе Западного Берлина.

До сих пор многие зрители отождествляют образ советского разведчика Ладейникова из фильма Мертвый сезон с личностью Абеля.

Да, в их судьбах есть много схожего.

И все же в основу сюжета легла деятельность другого советского нелегала – Конона Молодого, работавшего в Великобритании под видом преуспевающего бизнесмена Гордона Лонсдейла.

Кстати говоря, Конон Молодой (Бен) сначала работал в Нью-Йорке вместе с Абелем и был направлен на самостоятельную работу в Англию именно по рекомендации своего крестного отца.

На берегах туманного Альбиона Молодой – Лонсдейл проработал шесть лет.

Крышей ему (как и Ладейникову в фильме) служила фирма по продаже игральных автоматов.

Одним из заданий был сбор информации о глубоко засекреченном Портонском центре по изучению микробиологических методов ведения войны.

Там, в частности, работает группа бывших нацистских ученых, ставивших эксперименты, связанные с заражением воздуха микроорганизмами.

Бен создал агентурную сеть, которая поставляла ему самые оперативные сведения из Портонна.

Как и Абея, его выдал предатель.

Бен был приговорен к 25 годам тюремного заключения, из которых отсидел три.

В апреле 1964 его обменяли на английского агента Гревилла Винна, арестованного в Москве.

Показательно, что обмен происходил также на границе Западного Берлина, куда Молодой был доставлен самолетом.

Естественно, никакой информации об этом обмене в советской прессе не появилось.

Но позднее, когда после долгих мытарств фильм все же был запущен в производство, Молодого привезли однажды на съемочную площадку.

Кто-то шепнул Банионису, что это тот самый разведчик, которого он играет.

Банионис пожал своему прототипу руку и воскликнул: О, господи, вы совсем не похожи на разведчика!

Молодой, рассмеявшись, ответил: Будь я похож, толку от меня было бы немного...

Затем они сфотографировались вместе.

Спустя годы, Банионис признался, что только после встречи с Молодым он понял, как нужно играть своего героя.

Что касается самого Молодого, то он относился к Банионису с нескрываемой симпатией, но про фильм говорил, что там много наврали, дескать, все было совсем не так...

ОПЕРАЦИЯ САУНА

И всё-таки самой любимой, самой знаменитой советской шпионской кинолентой стали Семнадцать мгновений весны – фильм Татьяны Лиозновой по роману Юлиана Семенова.

Рассказывать о нем подробно нет нужды. Этот сериал и поныне демонстрируют по телевидению, многие его сценки разошлись на анекдоты, что является в нашей стране признаком всенародного признания.

Между тем, по романам Юлиана Семенова было снято еще несколько многосерийных кино- и телесериалов про шпионов: Пароль не нужен, Майор Вихрь, Бомба для председателя...

Во всех этих романах наряду с вымышленными героями действует и немало реальных лиц. Руководители наших спецслужб привечали автора и предоставляли ему возможность знакомиться с некоторыми документами для создания будущих произведений.

На основании изучения материалов операции Сауна, проведенной сотрудниками КГБ, Семенов написал роман ТАСС уполномочен заявить... (1980), по которому позднее был снят одноименный сериал.

В романе, как и в фильме, события разворачиваются в вымышленной африканской стране Нагонии, сбросившей с себя иго колониального рабства и ставшей на путь демократических преобразований.

Но в действительности завязка этой операции произошла в Колумбии, в стенах советского посольства. Был там сотрудник по фамилии Огородник, имевший эпизодические контакты с КГБ. Однажды ему поручили продать посольскую машину. Огородник выполнил поручение, но зажил в свою пользу дипломатическую скидку. История, однако, всплыла, бухгалтерия посольства потребовала доплаты. Но деньги он уже потратил. Всего-то 800 дол-

ларов! И тогда, чтобы раздобыть эту сумму, Огородник обратился к колумбийским спецслужбам, а уж те навели на него ЦРУ. Но, похоже, кто-то из колумбийцев симпатизировал СССР и тайно сообщил нашим о кроте, не зная при этом предателя в лицо. Пришлось проверять многих, практически всех.

Тем временем Огородника по делам службы отозвали в Москву. Здесь он вернулся к работе в управлении по планированию внешнеполитических мероприятий. Через его руки проходили отчеты советских послов, включая посла СССР в США. Эти конфиденциальные данные Огородник периодически передавал ЦРУ. Таким образом, начиная какие-либо переговоры, американцы заранее знали о намерениях нашей стороны.

Но вот подошел черед проверить и Огородника.

Сотрудники КГБ провели операцию Сауна. Огородника пригласили в баню и, пока он парился, завладели его ключами от квартиры и сделали дубликаты. Через некоторое время в квартире произвели обыск, обнаружив тайник. А в тайнике – среди прочего компромата – пленку с американской платежной ведомостью, по которой значилось, что на его счете находится около 320 тыс. долларов – цифра для скромного советского служащего по тем временам фантастическая.

Но воспользоваться платой за предательство ему уже не пришлось.

После обыска подавленный Огородник попросил разрешения взять бумагу и ручку, чтобы написать чистосердечное признание. Те, кто находился рядом, внимательно осмотрели ручку, но ничего подозрительного не обнаружили. Через минуту Огородник захрипел и потерял сознание. Его срочно отвезли в институт скорой помощи имени Склифосовского. Но помочь было уже нельзя. В ручке всё-таки находилась хитро замаскированная ампула с неким сильнодействующим ядом. Этот яд позднее исследовали эксперты, но определить его происхождение так и не смогли.

Юлиан Семенов вывел предателя под фамилией Дубов (кличка Умный), точно описал сцену его разоблачения и самоотравления, но ввел в сюжет и много выдумки, включая бурные события в несуществующей стране Нагонии. Что ж, у шпионского жанра свои законы...

СУДЬБОНОСНЫЙ ПОКАЗ

Особняком в ряду шпионских кинолент стоит фильм французского режиссера Ива Чампи Кто вы, доктор Зорге? (1961). Это один из немногих, если не единственный пример того, когда западный киношный мэтр с глубокой симпатией воспроизводит на экране образ советского разведчика.

Чампи был не только постановщиком, но и сценаристом этой картины. Вообще, этот человек сам по себе заслуживает отдельного рассказа. В годы Второй мировой он был разведчиком французского Сопротивления, после ареста сумел бежать в соседнюю Испанию, там полгода провел во франкистских лагерях, но бежал и оттуда – в Африку, а уже в 44-м участвовал в высадке союзных войск в Нормандии...

В конце 50-х к нему попали материалы о деятельности Рихарда Зорге в Японии, и Чампи загорелся идеей ставить о нем фильм. Вероятно, определенную роль в этом решении сыграло и то обстоятельство, что Чампи был женат на японской актрисе Кейко Кисси, которая впоследствии сыграла баронессу в этом фильме.

В течение нескольких месяцев Чампи изучал дополнительные материалы и одновременно искал кандидата на главную роль. Он не хотел отдавать ее какому-либо кумиру публики, полагая, что такой подход может размыть неповторимость задуманного образа разведчика.

Чампи стремился найти очень хорошего, по-настоящему профессионального актера, но еще не примелькавшегося на киноэкранах. Он просмотрел почти две тысячи кандидатов и даже опубликовал в ряде газет своеобразный портрет-робот, которому должен соответствовать искомый актер.

Вскоре режиссеру сообщили о западногерманском актере Томасе Хольцмане, внешность и манера игры которого полностью удовлетворяли требованиям Чампи.

Увидев его, Чампи был поражен: да это же вылитый Зорге!

Но вот беда: Хольцман, глубоко преданный театру, категорически не желал сниматься в кино! Пришлось уговаривать. В конце концов, Чампи это удалось.

Фильм с успехом прошел по всей Западной Европе.

Так уж случилось, что в СССР эту ленту впервые показали на закрытом просмотре, где присутствовал Хрущев.

Никита Сергеевич пришел в восторг. Утверждают, что он даже воскликнул:

- Вот это фильм! Не то, что наша жвачка! Умеют же выдумывать эти французы!

И тут кто-то из свиты осторожно объяснил генсеку, что этот фильм никакая не выдумка, а основан на подлинной судьбе советского разведчика.

- Да что же это такое?! – всердцах вскричал Хрущев. – Оказывается, у нас были такие герои, а народ ничего о них не знает! – и тут же дал указание срочно подготовить ему справку о Рихарде Зорге.

А уже через несколько недель лично продиктовал текст указа Президиума Верховного Совета СССР о присвоении Зорге (Рамзаю) звания Героя Советского Союза (посмертно). Кроме того, распорядился широко осветить в прессе доблестный подвиг разведчика, а также выпустить на широкий экран фильм Кто вы, доктор Зорге?

Премьера фильма прошла с помпой 21 сентября 1963 года в кинотеатре Художественный на Арбате. Среди почетных гостей присутствовал Чампи с супругой.

Затем фильм вышел в широкий прокат.

Имя Рихарда Зорге как-то сразу легло на сердце советским людям, заняв место в пантеоне наиболее почитаемых героев.

Но это еще не вся история.

На высокой волне интереса к Рамзаю вспомнили также о других участниках его разведгруппы, в частности, о радисте Максе Клаузене.

После того, как американцы освободили его из японской тюрьмы, Клаузен добрался до Москвы, где отчитался о проделанной агентурной работе, а затем вместе с женой поехал на лечение в Сочи. Позднее супругам разрешили выехать на постоянное местожительство в Восточную Германию. Здесь Макса устроили на спокойную должность коменданта советского посольского городка в Берлине. Жили супруги тихо-мирно, никто не знал об их героическом прошлом.

Но после того как в СССР вспомнили про Зорге, Клаузена с женой тоже наградили: орденами Красного Знамени. Восточногерманская пресса немало писала о них. На старости лет Клаузен сделался знаменитым у себя на родине.

Такие судьбоносные последствия имел один-единственный (но своевременный!) показ по-настоящему талантливого шпионского кинофильма.

Глава 2 Кинофабрика грёз доктора Геббельса -1 /История/

Берлин уже лежал в развалинах, а в павильонах киностудии УФА в Бабельсберге близ Потсдама продолжали снимать веселые комедии...

ЗОЛОТОЙ ВЕК НЕМЕЦКОГО КИНО

Весной 1926 года на книжных прилавках Ленинграда появилась тоненькая брошюра Немецкие киноактеры, являвшаяся пояснением к комплекту одноименных плакатов. Анонс извещал, что издательством ACADEMIA планируется целая серия подобных изданий, которые расскажут о киноактерах Северной Америки, СССР, Франции, Италии и Скандинавских стран, – именно в такой последовательности. Не был случайным и первоочередной интерес именно к немецкому кино, являвшемуся в тот период законодателем мод на киноэкранах, по крайней мере, европейских.

В книге представлены сто самых известных и именитых любимцев зрителей. Но вот что характерно: собственно немецкие актеры составляют едва ли половину списка. Другая половина – это итальянцы, австрийцы, шведы, англичане, евреи, венгры, норвежцы, даже американцы... Одних только бывших подданных бывшей Российской империи порядка десяти имен, то есть, примерно десятая часть списка. В их числе Ольга Чехова, Елена Маковецкая, Ксения Десни (Десницкая), Владимир Гайдаров, Александра Зорина, Григорий Хмара... В кратких биографиях без тени истерики извещается о том, что тот или иной русский актер либо актриса являются эмигрантами. К примеру, Григорий Хмара, родившийся в Полтаве в 1887 году, играл в постановках Станиславского во МХАТе, а в 1922 году переехал в Берлин. Из Москвы же приехала, да так и осталась в Берлине, просрочив визу, Ольга Чехова – исполнительница ролей умных, энергичных и добродетельных героинь. Лиа Мара, одна из самых популярных киноактрис того периода, родилась в Риге в 1897 году. Киевлянка Ксения Десницкая оказалась после гражданской войны в Константинополе, выступала там как танцовщица, а затем переехала в Берлин, где встретила богатого американца и вышла за него замуж...

Впрочем, и у многих чисто немецких актеров, если верить справочнику, были удивительные судьбы. Самая популярная немецкая кинозвезда тех лет Лилль Даговер родилась на острове Ява в семье немецких колонистов. Там, дескать, она научилась бегать и прыгать, как косуля, плавать и нырять, как рыба. Она тонула и горела, падала с лошади, ее душил удав... В Берлин Даговер прибыла впервые уже взрослой девушкой...

Подбор артистических имен в ленинградской книжечке вовсе не был тенденциозным, он отражал фактическую картину, сложившуюся в немецком кинематографе.

А суть заключалась в том, что немецкое кино 20-х годов занимало лидирующие позиции в мире, на равных конкурируя с Голливудом. Еще в начале 20-х Германия, поверженная в Первой мировой войне и пытавшаяся хоть в чем-то отстоять свои национальные интересы, ввела квоты на иностранную кинопродукцию, одновременно предоставив налоговые льготы производителям отечественных кинолент. Да и спрос на зрелища в побежденной стране был огромный. Люди нуждались в том, чтобы хотя бы на время перенестись в мир иллюзий. Залы театров и кино были переполнены. В результате вкладывать деньги в немецкое кино, несмотря даже на галопирующую инфляцию, стало выгодно. В окрестностях Берлина, близ Потсдама, в Бабельсберге наращивала мускулы киноимперия УФА – самый крупный в Европе, оснащенный новейшей техникой комплекс студий, где было занято до четырех тысяч человек. В производстве одновременно находились десятки картин. Всякий даровитый актер имел реальную надежду засиять на звездном небосклоне, снявшись в одном удачном фильме. Неудивительно, что в Бабельсберг ринулись подающие надежду актеры со всей Европы и даже из-за океана.

Здесь же искали свое счастье режиссеры, операторы, сценаристы... Берлин фактически стал в этот период культурной столицей Европы, быстро прираставшей яркими талантами. Последующее десятилетие осталось в истории как золотой век немецкого кино.

Львиная доля продукции Бабельсберга донацистского периода – это фильмы-трюки, комедии положений, сентиментальные драмы, детективы, боевики и мистика. Но и патриотическая тематика была в моде. В начале 30-х вышла очередная лента о Фридрихе Великом, в которой снова блеснула своей игрой Ольга Чехова, а буквально на следующий день после прихода к власти нацистов состоялась премьера фильма, где немецкая подводная лодка в отчаянной борьбе побеждала охотившийся за ней британский эсминец.

НОВЫЕ ВРЕМЕНА

Гитлер и Геббельс были страстными поклонниками кино. В первые годы своего правления Гитлер уделял просмотру кинофильмов не менее трех-четырех часов в сутки, отдавая предпочтение комедиям на современные темы с плоскими шутками и сентиментальным финалом. В числе его любимых лент, которые он пересматривал по много раз подряд, были развлекательные ревю Вилли Форста и комедии Хайнца Рюмана Невезучий пилот и Пунш на каминных щипцах, а также иностранные картины. Нередко домашние киносеансы фюрера, на которых присутствовало и его ближайшее окружение, затягивались до утра. В своем кругу фюрер откровенно восхищался героями американских вестернов: Они не рассусоливают долго, они действуют. Они захватывают врасплох и тут же казнят!

Сам Геббельс за 12 лет нацистского правления просмотрел свыше 1100 фильмов. Встав у руля министерства пропаганды, значительную долю своего времени маленький доктор отдавал вопросам кинематографа. Геббельс регулярно устраивал приемы для ведущих актеров и режиссеров, любил неожиданно появиться на той или иной съемочной площадке, контролировал отснятые ролики и даже писал сценарии пропагандистских короткометражек. В его кабинете вполне уместным смотрелся бы известный ленинский лозунг: Из всех искусств для нас важнейшим является кино. Геббельс спал и видел немецкое кино просвещающим мир, возрождающим мораль, затмевающим славу порочного Голливуда. Кроме того, по мнению рейхсминистра, немецкое кино должно было не только стать самоокупаемым, но и активно пополнять нацистскую казну! Исходя из подобных соображений, маленький доктор с первых же своих шагов принялся за реформирование кинематографа.

Главный недостаток виделся ему в безыдейности, вину за которую несли, конечно же, евреи. Уже 14 июля 1933 года была учреждена Палата кинематографии – Рейхсфильмкаммер, вошедшая в скором времени в общую Палату культуры – Рейхскультуркаммер. Отныне всем, кто занимал сколько-нибудь заметное место в производстве кинофильмов, пришлось доказывать, что не только их родители, но и дедушки и бабушки были истинными арийцами. В скором времени вышел указ, согласно которому кинопроизводством, под общественным или частным руководством, имели право заниматься только члены Палаты. Драконовские законы следовали один за другим. Логичным следствием стал массовый отъезд из Германии многих известных мастеров кино, прежде всего, имевших еврейские корни. Только за океан перебралось порядка трех тысяч кинематографистов. Уезжали не только евреи, но и чистокровные арийцы. Например, Марлен Дитрих. Уж какими только посулами ее не пытались склонить к возвращению в фатерланд, но кинозвезда так и не поддавалась на уговоры. Но верно и то, что в условиях жесткой конкуренции в мире кино находилось немало мастеров экрана, готовых ради финансового благополучия приспособиться к нацистским порядкам, пожертвовать призраком творческой свободы. Были и такие, кто покинул Голливуд для работы в Бабельсберге. Так, в нацистскую Германию вернулись известный режиссер Георг Пабст и киноприма Пола Негри.

ПРИМАНКА ДЛЯ ЗРИТЕЛЕЙ

Между тем, оказалось, что даже те немецкие кинозрители, кто голосовал за Гитлера и приветствовал нацизм, не желают по доброй воле смотреть пропагандистскую тягомотину.

Первенец жанра – Юный гитлеровец Квекс, снятый по роману-бестселлеру, - еще пользовался ограниченным интересом, да и то во многом благодаря широкой рекламе. А вот последующие дидактические шедевры, такие, как Штурмовик Бранд и Ханс Вестмар с треском провалились в прокате. Особенно обидная для Геббельса накладка произошла с последним фильмом. Вообще-то, эта кинолента должна была стать прославлением жизни и смерти Хорста Весселя (1907-1930), мученика идеи, командира отряда штурмовиков, автора песни Знамена выше, которая при нацистах исполнялась вслед за национальным гимном. (По одной из версий, Вессель был убит своим соперником-коммунистом, с которым они не поделили проститутку.) Геббельс сам был инициатором создания этой киноэпопеи. Однако премьера фильма привела рейхсминистра в ужас. В художественном отношении картина была совершенно провальной. Чем более велика идея, которую нужно выразить, тем выше требования к артисту, - желчно заявил Геббельс. По его личному указанию фильм был перемонтирован в спешном порядке и всё-таки выпущен в прокат, но уже под другим названием – Ханс Вестмар. Какое-то время он демонстрировался при полупустых залах, а затем положен на полку.

Надо отдать должное, Геббельс извлек урок из этого провала. Отныне он ставит перед деятелями кино прямо противоположную задачу: развлечение и веселье прежде всего! Идеи следует доносить до народа в ненавязчивой, увлекательной форме. Поэтому – как можно больше комедий, сентиментальных драм, мюзиклов, костюмированных исторических боевиков! Пропаганда же быстрее достигнет своих целей, если будет сосредоточена в сфере кинодокументалистики и новостных роликов.

Кроме того, Геббельс негласно распорядился запустить в прокат самые скучные и неудачные американские кинокомедии, чтобы свой, немецкий, зритель, как говорится, почувствовал разницу.

Итак, уже в середине 30-х годов в Бабельсберге был взят курс на развлекательное кино. Но как быть, если многие звезды, являвшиеся приманкой для зрителя, уехали из страны? Кинокомпания УФА, несмотря на строгие запреты и декреты, начала искать яркие таланты по всей Европе, привлекая их щедрыми гонорарами. Вскоре были заключены контракты со шведкой Зарой Леандер, венгеркой Марикой Рёкк, итальянцем Беньямино Джильи, чешкой Лидой Бааровой и некоторыми другими, которые в самом скором времени, после первых же своих фильмов, снятых в Германии, стали любимцами немецкой публики.

Пытаясь поднять престиж нового немецкого кино, Геббельс организовал в апреле 1936 года, незадолго до Берлинской олимпиады, международную киноконференцию, на которой присутствовало две тысячи делегатов из сорока стран. С высокой трибуны маленький доктор изложил свои взгляды на то, каким должно являться современное игровое кино. Ораторского искусства доктору Геббельсу было не занимать. Вот и на этот раз он сорвал аплодисменты.

ТРИУМФ ВОЛИ

Самым знаменитым фильмом, созданным в Германии в период нацистского правления, стал, несомненно, документальный фильм Триумф воли, снятый Лени Рифеншталь кинорепортаж о съезде нацистской партии в Нюрнберге в 1933 году.

Хорошо известно, что Лени не была нацисткой. Это была красивая и спортивная молодая женщина, которая начинала свой творческий путь как танцовщица. Она выступала с сольными номерами не только в Германии, но и в сопредельных странах. Ей прочили славу Айседоры Дункан, однако серьезная травма колена поставила крест на ее хореографической карьере. Рифеншталь пришла в кино. У нее были все шансы стать кинозвездой, ибо Лени выделялась особым типом красоты. Режиссеры видели в ней не секс-бомбу и не утонченную ценительницу эроса. Ее типаж – это подруга солдата и путешественника, готовая разделить с ним тяготы пути, а если надо, то и придти на помощь. Именно этот типаж был востребован в предвоенной Европе. Поэтому Лени, блеснувшая в горных фильмах Арнольда Фанка, сразу же запомнилась зрителю. Но однажды на съемочной площадке произошел случай, навсегда отвративший ее от

актерской стези. Марлен Дитрих, приревновав Лени к одному из своих любовников, режиссеру Джозефу фон Штернбергу, устроила публичный скандал. Штернберг бросился утешать Марлен. Лени, по ее признанию, ощутила в этот момент глубокую зависимость актера от прихоти режиссера. Неприятие этой зависимости и привело ее к решению самой снимать фильмы. Ее талант был так самобытен, что первый же снятый ею фильм о событиях в горной альпийской деревушке – Синий свет – вызвал не только восхищение специалистов, но и имел грандиозный кассовый успех. Лента собирала полные залы в Берлине, Лондоне и Париже и была в том же году удостоена серебряной медали на кинофестивале в Венеции. Среди почитателей Синего света оказался и Адольф Гитлер.

Фюрер лично обратился к ней с предложением снять фильм о съезде партии. По ее собственному признанию, Лени в ту пору была очарована и даже ослеплена демоническим образом Гитлера, клявшегося создать новую Германию и положить конец безработице.

Ей обеспечили идеальные условия для работы. В команде Рифеншталь находились 18 операторов и 19 ассистентов, а также осветители, связисты, водители. ... Для воздушных съемок использовались легкие аэропланы и дирижабль.

Снимая фильм, Лени применила немало режиссерских открытий, которыми до сих пор пользуются многие постановщики, в частности, создатели рекламных роликов. В фильме практически не было дикторского текста, сила впечатления достигалась за счет ярких, запоминающихся образов, неожиданных ракурсов.

Успех фильма превзошел все ожидания. Его энергетика и динамизм окончательно рассеивали сомнения колеблющихся, множили ряды сторонников фюрера не только в Германии, но и за рубежом.

Фильм получил главную немецкую кинопремию, а также премию за лучший иностранный документальный фильм на венецианском бьеннале 1935 года и золотую медаль на Всемирной выставке в Париже в 1937 году. Есть сведения, что выгодные предложения по созданию очередного пропагандистского фильма делали ей из Ватикана, от Муссолини, а также от имени Сталина. От всех этих предложений она отказалась.

Затем был феноменальный успех ее фильма Олимпия, снятого в той же яркой манере и посвященного берлинским Олимпийским играм 1936 года. Между прочим, вопреки воле Гитлера, Лени сделала одним из героев фильма легендарного чернокожего атлета из США Джесси Оуэнса. Лента получила главный приз на Венецианском фестивале. Многие и поныне считают, что это самая выдающаяся кинолента в летописи олимпийских игр.

ГЕББЕЛЬС ПЕРЕПОЛОШИЛСЯ...

На пике успехов Лени Рифеншталь Гитлер пригласил ее в рейхсканцелярию и предложил возглавить новую киноиндустрию. При этом фюрер будто бы заявил, что Геббельс ничего не смыслит в кино. Впрочем, это была обычная тактика Гитлера, который любил создать атмосферу соперничества между подчиненными, при которой каждый из них стремился превзойти конкурента.

Лени вежливо отказалась. Гитлер предложил не торопиться с ответом, а обдумать предложение более обстоятельно.

Но вот спустя два-три дня об этом разговоре каким-то загадочным образом узнал Геббельс и страшно обеспокоился, уж упускать из своих рук кино он не хотел. А затем произошла истинно детективная история.

Поздно вечером в берлинской квартире Рифеншталь раздался телефонный звонок. На проводе был маленький доктор. Срывающимся от волнения голосом он заявил, что им нужно срочно встретиться для неотложной беседы. Причем, инкогнито. Лени согласилась, несмотря на советы находившихся у нее гостей.

И вот уже маленький спортивный Мерседес Лени мчится по пустынному пригородному шоссе. Дождь льет как из ведра. За рулем – хозяйка. Рядом с ней единственный пассажир в

кожаном пальто с поднятым воротником и в широкополой шляпе, надвинутой на самые глаза. Это доктор Геббельс. В какой-то момент он как бы случайно достал из кармана пистолет. Надо полагать, с целью оказать психологическое давление на спутницу. Затем, будто спохватившись, спрятал его.

Они добрались до тихой таверны, где в эту ненастную погоду не было ни одного посетителя. Сели за дальний столик. Молчаливый официант подал изысканный ужин. У Геббельса могло быть две темы для предстоящей беседы. Первая – это предпринять очередную попытку добиться благосклонности Лени. Уже давно он стремится закрутить с нею роман, театрально падал перед ней на колени и клялся, едва не рыдая: Без вас моя жизнь – пытка! Вряд ли Лени отправилась бы в эту позднюю поездку лишь для того, чтобы отбить очередные наскоки влюбчивого рейхсминистра. Значит, имелся еще и другой повод для встречи. И этим поводом могло быть лишь предложение, сделанное Лени фюрером. Геббельс явно желал выяснить намерения неожиданной кандидатки на пост главного кинематографиста.

Сама Рифеншталь в своей биографии ни словом не упоминает о содержании состоявшегося разговора.

Известно лишь то, что на обратном пути Мерседес вел сам Геббельс. Ехали по узким лесным дорожкам. Ливень не прекращался. В какой-то момент в салоне что-то произошло. Очевидно, Геббельс попытался всё же привлечь к себе спутницу и отвлекся от управления. Внезапно машина выкатилась на набережную вблизи Розенека и едва не свалилась в воду с высокой стенки, так что правое переднее колесо продолжало вращаться в воздухе. Это был кульминационный момент встречи. Оскорбленный в лучших своих чувствах Геббельс нахлобучил свою шляпу еще глубже, поднял воротник плаща еще выше и исчез где-то в ненастной ночи. Лени пришлось добираться до жилья одной.

После этой поездки отношения между Рифеншталь и министром пропаганды резко обострились. Геббельс более не предпринимал попыток к сближению, а в своем дневнике записал: Истеричная баба! Вскоре и Гитлер потерял интерес к своей бывшей любимице (определенно, не без интриг со стороны Геббельса). Что касается Лени, то она фактически ушла во внутреннюю эмиграцию, отправившись на съемки в Испанию. Весть об окончании войны Лени встретила в своем маленьком тирольском домике, где монтировала отснятые кадры.

Позднее она не раз говорила о своем отношении к фильму Триумф воли: Я жалею, что сняла его: если бы я знала, что он мне принесет, то ни за что не стала бы его делать! И еще: Я была бы счастлива, если бы этот фильм сторел. Я снимала его, исходя исключительно из эстетических соображений... Когда я впервые увидела его после войны, в 60-м году, у меня мороз пробежал по коже... Уже на склоне лет, в июне 2001-го года 99-летняя фрау Рифеншталь, пребывая в ясном уме, стала гостьей международного кинофестиваля Послание к Человеку в Санкт-Петербурге, где на пресс-конференции, состоявшейся в гранд-отеле Европа, призналась: В 34-м году весь мир и весь немецкий народ восхищались Гитлером... С ним так или иначе были связаны мои надежды, вера в то, что всё будет хорошо. Я никогда не интересовалась политикой, а на Гитлера работала в целом всего семь месяцев за всю мою долгую жизнь. Постепенное осознание и осмысление происходящего повергло в ужас.

Нет, напрасно, совсем напрасно беспокоился доктор Геббельс, что Лени может оттеснить его от руля новой немецкой киноиндустрии. Для этой роли требовался совсем иной тип руководителя – руководителя-нациста, энергичного и предприимчивого, циничного и беспринципного, каковым и являлся сам Геббельс. Требовалась поистине дьявольская изощренность ума, сатанинская изворотливость души, чтобы в кровавую эпоху создать кинофабрику грез Третьего рейха, исповедующую лозунг Веселье и назиданье в трудные времена.

Лени Рифеншталь была далеко не единственной звездой немецкого кино, личные отношения с которой Геббельс мечтал перевести в интимную плоскость. Занимаемое положение давало Геббельсу идеальную возможность удовлетворять свою страсть к сексуальным победам.

О его романах, как с королевами экрана, так и с начинающими старлетками, ходили легенды. Не зря же острые на язык берлинцы наградили его множеством прозвищ - Шитер-сердцеед, козел из Бабельсберга, бабельсбергский бычок, косолапый коротышка и прочими, артисток же, не устоявших под его напором, называли подружками-игрушками. Но какова доля истины в этих легендах? Об этом стоит поговорить подробнее.

Глава 3 Загадка инженера / Тайны прошлого/

УТРЕННИЙ ПЕРЕПОЛОХ

30 сентября 1913 года большинство вечерних европейских газет вышло с сенсационными шапками: Таинственное исчезновение инженера Дизеля!, Знаменитый изобретатель пропал с парохода в открытом море! Экстренные выпуски рвали из рук. Изобретатель нового типа мотора, доктор-инженер Рудольф Дизель был одной из знаковых фигур своего времени, эталоном благополучия и символом жизненного успеха. Что же могло случиться с этим баловнем фортуны?

Увы, пространные репортажи не давали ясного ответа на вопрос, хотя фактов приводилось в них немало.

Накануне, 29 сентября, комфортабельный пароход Дрезден вышел в свой очередной рейс – из Антверпена в Лондон. Погода благоприятствовала плаванию, вышколенная команда знала свое дело.

На Дрездене путешествовали, как правило, состоятельные люди.

Господин Дизель плыл к берегам туманного Альбиона в солидной компании. Вместе с ним находились его бельгийские компаньоны – предприниматель Карель и главный инженер фирмы Братья Карель Люкман. Каждый из них, естественно, располагал отдельной каютой.

Ужин на Дрездене славился своей изысканностью и проходил в неторопливой обстановке.

Бельгийцы припомнили, что их спутник пребывал в превосходном расположении духа. Он много шутил, припоминал забавные случаи из своей инженерной практики. Постепенно разговор сделался серьезным – ведь все трое имели общие интересы.

Выкурив после кофе по сигаре, они долго еще гуляли по палубе, дыша свежим морским воздухом. Разошлись по каютам около одиннадцати вечера, пожелав друг другу спокойной ночи.

К утру 30 сентября Дрезден достиг британских берегов и уже приближался к Лондону в полном соответствии с расписанием. Пассажиров пригласили на ранний завтрак.

Карель и Люкман заняли места за своим столом, но Дизель почему-то запаздывал, хотя отличался немецкой аккуратностью, всегда сверяясь по золотым часам, с которыми никогда не расставался.

Слегка обеспокоенные бельгийцы попросили слугу напомнить их спутнику, что завтрак уже подан.

Слуга вскоре вернулся, сообщив, что господина Дизеля нет ни в каюте, ни на палубе.

Недоуменно переглянувшись, бельгийцы сами прошли в каюту, занимаемую изобретателем. Дверь была открыта, а постель аккуратно заправлена. Судя по расстеленной поверх одеяла пижаме, можно было предположить, что Дизель нынешней ночью вообще не ложился. У прикроватной тумбочки стоял его дорожный саквояж, из замка которого торчал ключ. На столике лежали золотые часы изобретателя, а ведь он без них никогда не выходил из помещения.

В конце концов, бельгийцы были вынуждены обратиться к капитану, который тотчас поднял на ноги всю команду. Моряки осмотрели судно сверху донизу. Нигде не было обнаружено ни самого изобретателя, ни каких-либо следов его возможного присутствия.

К тому моменту, когда Дрезден прибыл в конечный пункт, стало очевидно, что знаменитый пассажир бесследно исчез по дороге.

ТЩЕТНЫЕ НАДЕЖДЫ

За два дня до отплытия Дрездена из Антверпена в Северном море разыгралась жуткая трагедия. На борту парохода Вольтурно, шедшего из Ливерпуля в Нью-Йорк, вспыхнул пожар. Пламя быстро разгорелось с такой силой, что спасательные суда не могли приблизиться к тер-

пящим бедствие. Счет жертвам шел на сотни. Обгоревшие трупы несчастных, унесенные течением, долго еще вылавливали в местах, далеко отстоящих от места катастрофы. Но найдены были не все. Многие пассажиры Вольтурно так и остались навсегда в списках пропавших без вести.

И всё же причина их исчезновения была, по крайней мере, ясна.

Другое дело - изобретатель Дизель!

Обстоятельства его исчезновения были настолько необычны, что в них поначалу мало кто верил, включая редакции влиятельных газет.

Эти настроения усилились еще заметнее, когда стало известно, что семья Дизеля получила телеграмму от британского отдела Объединенного общества производителей моторов, где сообщалось: Слухи об исчезновении господина Дизеля ложны. Он находится в Лондоне.

Увы, ложной оказалась сама телеграмма. Причем, так и не удалось выяснить, кто же конкретно отправил ее.

Затем промелькнула информация, что Дизеля видели в Нью-Йорке. Популярная парижская газета писала: Доктора Дизеля на борту Дрездена не было вообще. Он не выезжал из Бельгии. В немецкой прессе появились сообщения, что переутомившийся изобретатель в действительности находится в психиатрической лечебнице, а вся шумиха вокруг его мнимого исчезновения поднята для того, чтобы направить репортеров по ложному следу.

Вдруг вспыхнула сенсационная новость: жена Дизеля получила письмо от мужа из Гента! Значит, он всё-таки никуда не пропадал!

И снова оптимистические прогнозы не оправдались. Это было всего лишь роковое совпадение, вызванное рассеянностью, которую Дизель нередко проявлял в быту. Письмо он написал еще до своего отплытия, но в спешке указал на конверте другую улицу, в результате чего поиски адресата привели к задержке с доставкой.

Примерно в этот же период произошла весьма странная, чтобы не сказать мистическая история.

В Рампото - мелководном рукавике Шельды рыбаки выловили труп хорошо одетого пожилого мужчины и подняли его в лодку, после чего взяли курс на свой родной городок Флиссинген. Накануне власти оповестили местное население, что в море пропал известный человек, и что за обнаружение каких-либо его следов будет выплачено крупное вознаграждение. И так, рыбаки резонно рассчитывали получить обещанную премию.

Но едва они приблизились к устью Шельды, как волны словно взбесились, швыряя рыбацкое суденышко из стороны в сторону и унося его всё дальше от берега в открытое море. Посоветовавшись, суеверные рыбаки решили, что море не желает расставаться со своей добычей. Труп был возвращен бушующим волнам. И тотчас, по заверениям рыбаков, море успокоилось!

Минуло еще немного времени, и последние надежды увидеть знаменитого изобретателя живым и здоровым окончательно сошли на нет. Пришлось признать тот упрямый факт, что доктор Дизель пропал бесследно.

Пытаясь разгадать тайну столь невероятного происшествия, журналисты обратились к биографии изобретателя, к особенностям его личности. И вот постепенно начало выясняться, что в жизни этого баловня фортуны далеко не всё было так радужно, как это могло показаться со стороны.

ОБРАЗЦОВЫЙ СТИПЕНДИАТ

Рудольф Дизель, родившийся в 1858 году в Париже в семье трудолюбивого, но невезучего немецкого переплетчика, еще с детских лет заявил о себе, как о классическом вундеркинде. Нельзя, однако, сказать, что его отец – Теодор Дизель – был в восторге от яркого дарования сына. Отец предпочел бы иметь в своей мастерской надежного и послушного помощника, а не упряма, твердившего о своем желании учиться. Какая учеба, если денег в семье не хватало на самое необходимое!

Но даже этому нелегкому, хотя и кое-как налаженному существованию вскоре пришел конец. События франко-прусской войны 1870-1871 гг. вызвали среди парижан столь откровенную ненависть к бошам, что Дизель-старший вместе с другими немецкими ремесленниками счел за благо сняться с насиженного места и искать счастья на берегах туманного Альбиона. А здесь дела пошли еще хуже. Стремясь избавиться от лишнего рта, этого настырного гордеца, который никак не желал браться за ум и овладевать семейным ремеслом, отец отправил мальчика к родственникам по линии жены в Германию, в город Аугсбург.

В судьбе подрастающего Рудольфа это событие сыграло ключевую роль. Пожилая бездетная пара охотно приняламышленного племянника, а главное, с пониманием отнеслась к его желанию получить техническое образование. Мальчик начал посещать местное реальное училище. Здесь юный гений продемонстрировал столь блестящую успеваемость, что по результатам учебы его зачислили в Аугсбургскую политехническую школу, назначив стипендию в 60 гульденов и предоставив право давать частные уроки. Следующая ступень – Мюнхенская высшая техническая школа, где Рудольфу, как одному из наиболее одаренных студентов, выплачивали именную стипендию в размере 500 гульденов. Но оказалось, что и это не предел. Владелец Нюрнбергского машиностроительного завода барон Крамер-Клетт, восхищенный познаниями молодого дарования, назначил ему прибавку к стипендии. Теперь Рудольф мог не только спокойно продолжать образование, но и содержать своих разорившихся родителей, которые в конечном итоге переехали в Мюнхен, под крыло к сыну, который еще только-только готовился к своему головокружительному полету.

БОЛЬШАЯ МЕЧТА

В студенческие годы любимым учителем Дизеля стал профессор Карл Линде, знаменитый изобретатель холодильных установок.

На своих лекциях Линде нередко критиковал паровые машины за их чрезвычайно низкий кпд.

- Лучший современный паровоз, - говорил профессор, - превращает в работу только 5 процентов всего тепла горения, да и то из них пятая часть теряется на трение механизмов. Таким образом, только четыре процента первоначального тепла переходит в механическую работу, остальные же буквально вылетают в трубу...

Затем Линде переходил к работам гениального французского ученого Никола Сади Карно, создавшего теорию идеального теплового двигателя, который по расчетам должен был превращать в полезную работу до 70 процентов теплотворной способности потребляемого топлива. Но всё это пока остается только теорией, недостижимой технической мечтой, со вздохом добавил профессор.

Линде не догадывался, какую искру высекли его слова в душе талантливого студента. Недостижимая техническая мечта? А почему, собственно, недостижимая?!

В те годы студенты рассаживались в аудитории на скамьях в алфавитном порядке, на строго определенных местах. Рядом с Дизелем сидел слушатель из России Георгий Депп – невысокий, подвижный, любознательный паренек, которого позднее судьба будет еще не раз сводить с бывшим соседом по студенческой скамье. Именно Деппу – первому - Рудольф признался во внезапном обретении своей главной жизненной цели. Дизель поклялся, что не пожалеет ни времени, ни творческих сил для создания двигателя нового типа, двигателя, который вытеснит паровые машины с их низким кпд.

ТРИУМФ ГЕНИЯ

В 1893 году молодой инженер Дизель выпустил в Берлине тоненькую брошюру с длинным названием – Теория и конструкция рационального теплового двигателя, призванного заменить паровую машину и другие существующие в настоящее время двигатели.

С нее всё и началось. Эта публикация вызвала настоящий фурор в инженерных кругах.

Идею поддержали его учителя, в частности, профессор Линде.

Средства для опытов предоставил Фридрих Крупп, сын известного пушечного короля, тоже отличавшийся дальновидностью и стальной хваткой.

Вскоре в Аугсбурге были построены мастерские, где началось создание нового типа двигателя – дизельного мотора.

Неколебимая вера в свое детище, которую излучал Рудольф, передавалась его помощникам. Никто не сомневался в успехе, несмотря на частные неудачи. Однажды на испытаниях произошел взрыв – индикатор давления разлетелся на куски. Крупный осколок едва не угодил Дизелю в голову. Изобретатель чудом успел уклониться, отделавшись глубоким шрамом на виске. Однако никакие ЧП не заставили бы его отступить от поставленной цели.

В начале 1895 года был построен двигатель, который имел уже все основные узлы будущего дизель-мотора. Его КПД составлял пока 34 процента, однако всё инженерное сообщество сразу же осознало, что на рынок властно вторгается перспективная новинка.

На Аугсбургский завод началось настоящее паломничество специалистов и предпринимателей со всего мира. Пачками поступали предложения от иностранных фирм о покупке прав на производство моторов. Первая сделка была заключена с бельгийской фирмой Братья Карель. Это произошло 1 мая 1894 года.

Возможно, Дизелю следовало бы более внимательно отнестись к вопросам передачи своих изобретательских прав другим юридическим лицам. Но для молодого успешного инженера всё это было мелочью. Идеи так и фонтанировали в нем. Он щедро дарил их коллегам, полагая, что, в конечном итоге, всё идет на пользу делу, на совершенствование его детища – мотора, который всё чаще называли с приставкой, взятой от его фамилии – дизель-мотором!

Только в первый год реализация патентов принесла Дизелю более 3 млн. долларов.

В 1897 году в Касселе состоялся съезд Общества германских инженеров, центральным вопросом на котором был доклад о новом двигателе. Рудольфа Дизеля встретили шквалом аплодисментов. Среди гостей съезда был и Георгий Филиппович Депп, ставший к тому времени профессором Петербургского технологического института. Бывшие однокурсники встретились тепло. Депп сообщил, что в России живо интересуются новым мотором, готовы к деловому сотрудничеству. И точно, уже в конце того же года в переговоры с Дизелем вступил владелец петербургского завода Людвиг Нобель Эммануэль Нобель, сын и внук основателей предприятия. По итогам этих переговоров Нобель заплатил изобретателю за патентные права 50 тысяч фунтов стерлингов (порядка 500 тысяч рублей золотом).

Дизель стал не просто богатым, а сказочно богатым человеком. Скупал земельные участки, основал ряд акционерных обществ, начал строить роскошную виллу в Мюнхене... Принц-регент Леопольд наградил его баварским орденом святого Михаила. Это был полный успех, настоящий триумф.

РУССКИЙ ВАРИАНТ

Но вскоре поползли слухи, что двигатель хорош лишь в лабораторных условиях. В производстве же он якобы капризничает, чаще простаивает на ремонте, чем работает. Репутация нового мотора стремительно падала. Наступил период глубокого разочарования. Фирмы вместо прибылей подсчитывали убытки, а имя изобретателя произносили с бешенством.

В этот период даже опытные специалисты еще не понимали, что суть неудач кроется не в конструкции двигателя, а в некачественной обработке деталей, а также несовершенстве материалов, идущих на их изготовление.

Другой принципиальной причиной неудач было то обстоятельство, что в дизель-моторах в качестве топлива упорно пытались использовать угольную пыль. Собственно, германские угольные бароны потому и вкладывали деньги в новинку, что рассчитывали в будущем продавать еще больше угля. Ни один крупный немецкий промышленник не стал бы ставить на нефть, которой в Германии попросту не было.

Вскоре настал период, когда веру в возможности дизель-моторов сохранили лишь несколько предприятий: Аугсбургский машиностроительный завод и еще две-три фирмы, в том числе Братья Карель. Дизель продолжал экспериментировать с угольной пылью, но результаты были неутешительны, выпущенные моторы не находили сбыта. Рушились и другие финансовые начинания изобретателя. Земли в Галиции оказались бесплодны, строительство виллы пожирало все свободные деньги... Он не просто нес огромные убытки - впереди маячил призрачный нищеты, которой он так боялся. Дизелю настоятельно советовали закрыть свой завод в Аугсбурге, но он не решался на этот шаг.

Спасение пришло из России. Инженеры Нобеля усовершенствовали двигатель, применив в качестве топлива нефть вместо угольной пыли. Эти эксперименты не были случайностью. Ведь Нобели владели богатыми нефтяными промыслами в Баку и рассчитывали, что в обозримом будущем нефть потеснит уголь с мирового рынка. Именно Нобели первыми додумались перевозить нефть в цистернах и наливных судах (раньше возили в бочках), а также прокладывать трубопроводы.

Испытания, на которых присутствовал профессор Депп, превзошли самые смелые ожидания. Двигатель прекрасно работал также на гудроне, креозотном масле и даже дегте. Депп тут же сообщил Дизелю о впечатляющем успехе.

Но и сам Дизель не сидел сложа руки. Анализируя накопленный опыт, он внес в конструкцию ряд серьезных усовершенствований, применив новые жаропрочные материалы и уделив особое внимание качеству обработки ведущих узлов.

Фактически на свет появилось новое поколение дизель-моторов.

На всемирной выставке в Париже в 1900 году этот обновленный двигатель получил Гран-при.

Дизельный мотор снова привлек к себе всеобщее внимание. Уже десятки заводов начали строить дизели, в том числе, рассчитанные на использование на судовом транспорте.

Россия снова оказалась в числе лидеров. В 1903 году на Волгу было спущено детище братьев Нобелей нефтеналивное судно Ванда, оснащенное не паровой машиной, а мощным дизелем. Фактически это был первый в мире теплоход. А еще через год в плавание по Волге отправился более совершенный танкер-теплоход Сармат.

В производстве дизель-моторов нефть повсеместно вытеснила угольную пыль. Нефть быстро поднималась в цене – ведь ее требовалось всё больше для тысяч и тысяч дизель-моторов.

В этот же период Совет Высшей технической школы в Мюнхене присваивает своему бывшему выпускнику почетную степень доктор-инженер – звание, которым Дизель гордился до конца жизни. Это был очередной виток большого успеха.

Зато сам изобретатель получил непримиримого врага в лице угольных баронов. А эти господа умели наносить ответный удар.

ОТ МОСКВЫ ДО НЬЮ-ЙОРКА

Дизель по-прежнему много работает. У него масса новых планов и идей. Не все они удачные, но в каждую из них он вкладывает свою душу и... немалые личные средства. Попытка создать акционерное общество малых двигателей едва не разорила его.

В этот же период изобретатель много путешествует по миру, как правило, вместе с женой.

Весной 1910 года он приезжал в Петербург на открытие всемирной выставки двигателей, председателем организационного комитета которой был всё тот же профессор Депп. На выставке было представлено 87 двигателей иностранного производства и 45 – российского. Дизель чувствует, что Россия – это та страна, где его ценят. Ведь до 70 процентов продукции Аугсбургского машиностроительного завода сбывалось в Россию. Депп, с которым они снова встретились и долго говорили, объяснил, что в России нет и не может быть врагов дизель-моторов, хотя бы по той причине, что в российских недрах таятся огромные залежи нефти. Встре-

тился Дизель и с Нобелем, который продемонстрировал западному гостю, что такое широта русской натуры. Дизель осмотрел также двигатели, которые Нобель строил для военных судов, в том числе для подводных лодок. Затем была Москва, где русские инженеры устроили знаменитому изобретателю не менее восторженный прием.

В марте 1912 года Дизеля с помпой принимали в Нью-Йорке. От журналистов не было отбоя: статьи, заметки, интервью, фотографии... Но и американские бизнесмены не давали ему прохода, засыпали деловыми предложениями, суля любые гонорары, если он останется на жительство в США и продолжит здесь свои исследования. Но он не хотел связывать себя никакими обещаниями и отказался. Перед отъездом он встретился – к величайшему восторгу американцев – с Эдисоном и беседовал с ним несколько часов подряд.

УГОЛЬ ПРОТИВ НЕФТИ

Между тем, у Дизеля над головой сгущались черные тучи.

Угольная империя подготовила сокрушительный удар по гениальному изобретателю, ставшему в своей стране предателем.

Первым еще раньше от Дизеля отвернулся его учитель профессор Линде, который, как и многие другие, принял правила игры, навязанные германскими промышленниками.

Выступая на очередном годовом съезде Общества германских инженеров, Линде предложил присудить высшую награду общества – медаль Грастгофа – изобретателям Лавалю и Парсонсу. Пикантность ситуации заключалась в том, что оба названных кандидата являлись иностранцами, которые крайне редко удостоивались этой медали. Между тем, присутствовавший на съезде Дизель этой награды не имел, хотя по праву мог давно рассчитывать на нее.

Зал в своем большинстве бурно поддержал предложение Линде. Ларчик открывался просто: швед французского происхождения Лаваль и англичанин Парсонс практически одновременно и независимо друг от друга изобрели паровую турбину, работавшую на угле. Так что их поощрение со стороны Общества германских инженеров имело весьма определенный подтекст. Давно ведшаяся закулисная клеветническая кампания против Дизеля начала приносить свои плоды.

Лаваль, не посвященный в подковерную борьбу своих немецких коллег, подошел в перерыве к Дизелю и выразил недоумение, что тот до сих пор не имеет медали Грастгофа.

На что Дизель с затаенной печалью ответил:

- Вы, вероятно, не хуже меня знаете, что проведение изобретения в жизнь сопряжено с жесткой борьбой. Это борьба с глупостью, косностью, злобой, завистью, тайным противодействием и с открытым столкновением интересов...

И вот после возвращения из поездки в США Дизеля ждал на родине очередной сюрприз.

80-летний профессор из Аахена Людерс выпустил книгу Миф о Дизеле, где утверждал, что Дизель не обладает знаниями даже рядового инженера, ибо служил холодильщиком, а все идеи украл, дескать, у своего учителя Линде. Книга отличалась столь злобными измышлениями, что даже явные враги Дизеля стеснялись на нее ссылаться.

Однако многие, слишком многие специалисты стали говорить о том, что существующие дизель-моторы значительно отличаются от тех, которые господин Дизель описал в своей давней брошюре. А раз так, то справедливо ли к названию этих моторов добавлять приставку дизель? Справедливо ли приписывать это изобретение заслугам одного человека? Ведь они, эти моторы, фактически созданы многими инженерами и специалистами, коллективами технических бюро, каждый из которых вносил свое усовершенствование.

Кампания травли и клеветы продолжала набирать обороты.

Но Дизель был не тот человек, который легко сдается. Собрав необходимые документы, он приготовился к решительному отпору. Случай вскоре представился.

В ноябре 1912 года в Берлине состоялось годовое собрание судостроительного общества. Зная, что на него приглашен Дизель, и что он будет выступать с докладом, набился полный зал. В передних рядах расположились самые ярые оппоненты изобретателя.

Выступление Дизеля слушали, затаив дыхание. Оратор не упустил ни одной мелочи, изложив историю создания мотора. Рассказал о том, как уступал свои авторские права, думая не столько о приоритете, сколько о пользе дела. Откровенно рассказал о своих неудачах и сомнениях, а также о том, как анализ допущенных просчетов в конечном итоге всегда выводил на верное решение... В общих чертах рассказал о своих новых замыслах...

Рядовых инженеров его выступление убедило. Зал снова рукоплескал Дизелю. Но титулованные оппоненты не смирились. Ведь они руководствовались не поисками истины, а совсем иными мотивами.

В начале 1913 года вышла книга бывшего ассистента и помощника Дизеля инженера Мейера Заметки к истории двигателя Дизеля. По сути, это был предательский удар в спину, который изобретатель воспринял особенно тяжело. Дизель написал Мейеру письмо, полное горьких упреков, но тот не соизволил ответить своему бывшему наставнику.

Не прекращались и финансовые неурядицы, давали о себе знать проблемы со здоровьем. Давняя травма, полученная при взрыве в лаборатории, всё чаще напоминала о себе жуткими головными болями.

Всё это вместе взятое дало основание некоторым аналитикам заключить, что Дизель, сломленный морально и психически, покончил с собой, не видя выхода, пал жертвой изощренной клеветы, организованной магнатами Рура. Эта точка зрения имеет многочисленных сторонников и сегодня.

ВОЛЯ ИЗОБРЕТАТЕЛЯ

Но так ли это?

Клеветали на него всегда. Не было недостатка и в завистниках. Однако Дизель не был неврастеником и умел держать удар. Не раз он давал понять своим недоброжелателям, что обладает сильной волей и выдержкой.

Вот и в ответ на клевету былых друзей и старых учителей он не опустил руки, а написал обстоятельную книгу Происхождение моторов, в которой, как говорится, расставил все точки над и. Книга вышла в свет летом 1913 года, и Дизель успел надписать и разослать экземпляры, как своим друзьям, так и оппонентам. Одна из книг с дарственной надписью отправилась в Петербург, Делпу.

Родившийся в Париже, подолгу живший и работавший в Англии, Франции, Швейцарии, Бельгии, Дизель чувствовал себя гражданином мира и вполне мог бы творчески работать там, где нашел бы подходящие для этого условия. Ведь звали же его в Америку. Рады принять его были и в России, и он знал это.

Нет, интриги угольных баронов вовсе не загнали его в угол!

У него было немало вариантов, а главное – масса новых идей и грандиозных планов. Он еще не выполнил до конца свою жизненную программу, находясь при этом в расцвете своих творческих сил. Наконец, у него была большая семья, которая его любила и нуждалась в его поддержке.

При таком раскладе добровольно из жизни не уходят.

СЕКРЕТНОЕ ОРУЖИЕ

Что же тогда случилось?

Говорили о минутном помешательстве, которое могло возникнуть под влиянием острого приступа головной боли, в результате чего изобретатель, временно утративший контроль над своими действиями, шагнул за борт.

Но всё же более обоснованной выглядела версия, связывающая исчезновение доктора Дизеля с его участием в экспериментах профессора Фидлера.

В свое время Фидлер предложил немецким военным идею, которая встретила поддержку на самом верху. Речь шла о создании новейшего секретного оружия – огнемёта. Но у Фидлера не всё ладилось. И тогда, якобы по личному распоряжению кайзера Вильгельма Второго, к этим разработкам подключили Дизеля.

Но вот Дизель собрался надолго ехать в Англию. Цель своей поездки он сформулировал с предельной ясностью: Еду с бельгийцами в Англию, чтобы присутствовать 1-го октября на общем собрании Объединенного общества Дизель и осмотреть их новые мастерские в Ипсвиче.

Однако в немецкой разведке ему могли не поверить. Можно ли доверять человеку, который с юных лет ощущал себя в большей степени гражданином мира, чем немецким патриотом? Не собирается ли он вступить в секретные переговоры с англичанами, этими извечными соперниками Германии?

Позднее было установлено, что предпринимались определенные шаги, чтобы помешать отъезду Дизеля. Но тот, как всегда, поступил по-своему. Это, надо полагать, еще больше усилило подозрения на его счет среди ястребов германского Генштаба. Там решили, что ни при каких обстоятельствах Дизель не должен сойти на английский берег.

Если не получается иначе, то пусть уж лучше он исчезнет в море. Учитывая скандальную шумиху вокруг имени изобретателя, его, наверняка, признают самоубийцей...

Начавшаяся вскоре Первая мировая война помешала журналистскому сообществу расследовать происшествие по горячим следам.

Загадка исчезновения инженера Дизеля до сих пор остается нераскрытой.

Глава 4 Последний самоучка / Изобретение/

Словосочетание изобретатель-самоучка ассоциируется у многих с образом чудаковатого затворника, проектирующего очередной вечный двигатель.

Но эта аналогия сильно хромает.

Многие изобретатели-самоучки навсегда вписали свое имя в историю развития техники.

Самоучкой был знаменитый Томас Эдисон, автор более тысячи изобретений.

Самоучками были русские механики, прославившиеся своими творениями, - И.Кулибин, И.Ползунов, отец и сын Черепановы...

Самостоятельно учился с 14-ти лет не нуждающийся в каком-либо представлении Константин Эдуардович Циолковский.

В этом достойном ряду особняком стоит еще одно имя, к сожалению, почти уже забытое, хотя с детищем этого самодеятельного изобретателя каждый из нас соприкасается ежедневно и по много раз...

Речь идет о телевидении. Вряд ли кто-либо станет сомневаться сегодня в том, что у истоков возникновения этого чуда 20-го века стояли крупные ученые, своего рода энциклопедисты технической мысли, знаковые фигуры, новаторский поиск которых финансировался мощными отраслевыми корпорациями.

Между тем, первую телепередачу на основе полностью электронной телевизионной системы осуществил 27-летний самоучка, не имевший даже законченного высшего образования, молодой человек слабого здоровья.

Произошло это историческое событие 26 июля 1928 года в хлебном городе Ташкенте, не претендовавшем в ту пору на роль даже регионального научного центра.

Звали молодого человека Борис Павлович Грабовский.

Совсем непросто сложилась его судьба, хотя и ему довелось познать минуты славы...

Его изобретательский и жизненный маршрут пролегал через три крутых поворота, каждый из которых был предопределен Словом...

ОТКРЫТИЕ ПЕТЕРБУРГСКОГО ПРОФЕССОРА

9 мая 1911 года в лаборатории профессора Петербургского технологического института Бориса Львовича Розинга яблоку было негде упасть. Коллеги и студенты маститого ученого собрались в надежде увидеть чудо: передачу изображения на расстояние.

В центре стола была закреплена стеклянная трубка, запаянная с обоих концов. От металлических дисков и пластин в разные стороны отходили провода. Торец трубки, обращенный к зрителям, был покрыт серебристым составом, являясь, по сути, миниатюрным экраном.

Ему-то, этому экрану, и надлежало стать провозвестником нового явления в мире техники.

Погас свет, профессор включил схему, помещение наполнилось треском и запахом озона. И вот на экране появилось четкое изображение решетки. Затем – человеческой руки, пальцы которой двигались! (Правда, движения не были плавными, фиксировались лишь их начальные и конечные стадии.) И всё же первые телезрители в восторге зааплодировали.

Розинг принимал изображение на электронно-лучевую трубку, но передавал его с помощью оптико-механической системы, состоявшей из вращающегося барабана и системы зеркал.

В те годы идея создания телевизионной техники развивалась по двум направлениям: электронному и механическому.

Розинг был среди немногочисленных сторонников электронного дальновидения, предвещая именно ему большое будущее.

Сконструировав приемный аппарат, усовершенствованную модель которого мы сегодня называем телевизором, ученый решил половину задачи. Но второй ее половиной - созданием телевизионного передатчика на электронной основе - Розинг заниматься не стал, увлекшись другими разработками.

Справедливости ради, нужно отметить, что в том же 1911 году англичанин А.А.К.Сунтон сформулировал в общем виде принцип передающей телевизионной трубки. Он безрезультатно пытался заинтересовать своей идеей крупные фирмы и сам почти до конца жизни экспериментировал с мозаичными элементами из кубиков рубидия, однако реального успеха так и не добился.

Задача создания полностью электронной телевизионной системы по-прежнему оставалась нерешенной, притом, что далеко не всем специалистам была очевидна ее первостепенная важность.

СЫН НАРОДОВОЛЬЦЕВ

А тем временем в южном городе Харькове подрастал любознательный паренек, Боря Грабовский, мечтавший сконструировать очки для слепых, чтобы помочь соседям по двору, лишенным зрения.

Впрочем, у мальчишки не было недостатка и в других оригинальных идеях.

Он родился в 1901 году в Тобольске в семье ссыльных. Его отцом был Павел Арсеньевич Грабовский – известный украинский поэт-демократ, публицист, литературный критик и переводчик, член народнической организации Черный передел. Мать – Анастасия Николаевна Лукьянова – тоже находилась в ссылке за участие в покушении на цесаревича.

Малышу исполнился год, когда умер отец.

Мать, отбыв ссылку, увезла сына к родственникам в Харьков. Здесь через несколько лет она вышла замуж за вдовца, которого знала еще по Москве, и позднее уехала с ним в Среднюю Азию – в Пишпек (с 1926 года – Фрунзе, в наше время – Бишкек). Борис остался в Харькове вдвоем с бабушкой. Мальчик рос болезненным, страдая искривлением позвоночника, но отличался живостью характера и любознательностью. В гимназии учился неровно, отдавая предпочтение естественным наукам, а во дворе слыл неистощимым фантазером.

Юность Бориса пришлась на период великих потрясений, прокатившихся по всей бескрайней империи. А тут еще умерла совсем не старая бабушка.

Без лишнего гроша в кармане Борис отправился на собственный страх и риск через бурлящую страну к матери, в далекий Пишпек. Отчим встретил юношу не слишком любезно, то и дело придирался по пустякам и, наконец, попросту выгнал лишний рот на улицу.

В поисках хоть какого-нибудь пристанища, Борис вступил в ЧОН. Охранял склады, здесь же и жил – в караульном помещении. В свои двадцать лет это был щуплый очкарик в буденовке, рваных башмаках и большой не по размеру гимнастерке. Над такими доходягами нередко потешаются их же товарищи, но слишком уж много интересных историй он знал, а рассказывать умел так, что заслушаешься.

Вскоре начитанного паренька направили по комсомольской путевке на учебу в Ташкент, где накануне открылось первое в Средней Азии высшее учебное заведение – Туркестанский университет.

Жизнь нередко сводила Бориса с хорошими людьми. Вот и в университете он нашел поддержку со стороны старого профессора Гавриила Васильевича Попова, основателя первой сейсмической службы в крае. Попов поселил тянувшегося к знаниям юношу в пустовавшей глиняной сторожке обсерватории, а главное – разрешил тому пользоваться своей обширной библиотекой, где имелось немало изданий по техническим новшествам. Вот тут-то молодой Грабовский впервые познакомился с работами петербургского профессора Розинга. И был потрясен тем, что узнал.

РОЖДЕНИЕ МЕЧТЫ

Никто не может в точности сказать, какими путями рождается у талантливого человека замысел, становящийся целью его жизни. Чаще этому предшествуют годы напряженного труда, размышлений и работы над ошибками. Но порой блестящая идея приходит в результате интуиции, творческой интуиции, озарения свыше.

Под впечатлением от научных публикаций Розинга Грабовский загорелся мечтой создать аппарат дальновидения, который он сам назвал телефотом.

Рисует изображение луч, - рассуждал, быть может, наивно он. – Значит, и рассматривать изображение тоже должен луч. Никакой механики! Всю работу в системе должны выполнять электроны!

Он начал наугад, на ощупь собирать простейший катодный коммутатор, который в последующем собирался использовать в качестве передатчика для предполагаемого аппарата дальновидения.

Но сам же честно писал позднее: Я чувствовал тогда, что для создания рабочего проекта телефота у меня катастрофически не хватает знаний.

Не хватало не только знаний, но и средств для самого скромного существования. Хоть и говорят, что Ташкент – город хлебный, но Борис голодал в буквальном смысле слова, при том, что львиную долю своих ничтожных доходов он тратил на приобретение нужных деталей, которые в туркестанской глубинке найти было не так-то просто.

Как и все гении-самоучки, этот молодой человек был абсолютно непрактичным.

Наконец, даже он понял, что не выдержит издевательского пресса спартанского образа жизни.

И тогда он сел на поезд и отправился в Саратов, где жила тетка Сусанна – родная сестра его матери. Это было весной 1924 года.

ТВОРЧЕСКАЯ ТРИАДА

Тетя приняла хорошо. Накормила, приютила, выслушала и даже одобрила его решение заниматься изобретательством. Поняв, однако, что у племянника кусочное образование, она посоветовала ему для начала позаниматься с хорошим репетитором, благо, у нее на примете был подходящий кандидат – Николай Георгиевич Пискунов. Это был человек разносторонних дарований. Выходец из купеческой семьи, он еще до войны окончил курс Саратовского университета, знал математику, физику, языки, вполне профессионально сочинял музыку – несколько его музыкальных пьес были изданы и продавались в нотных магазинах.

Но получилось так, что ученик сам увлек своего репетитора идеей электронного дальновидения. Пискунов выразил готовность подключиться к работе, но честно признался, что является, скорее, теоретиком, а в таком деле не обойтись без практика-конструктора. Он предложил привлечь к работе своего бывшего ученика Виктора Ивановича Попова, который считался в городе одним из лучших специалистов в области электричества и радиотехники.

Так сложился маленький творческий коллектив, горючим которого был исключительно собственный энтузиазм.

Грабовский ознакомил своих новых друзей со всеми своими выкладками. Пискунов засел за расчеты, Попов – за чертежи и детальную разработку конструкции телефота.

Тем временем Грабовский поступил в местный индустриальный техникум, одновременно устроившись лаборантом в одну из его лабораторий. Здесь по вечерам и собиралась их творческая группа. Здесь же появились на свет чертежи, а также полное описание телефота, являвшегося по сути прообразом электронной телевизионной системы. Молодым изобретателям повезло хотя бы в том, что руководство техникума относилось к их задумке благосклонно, оказывало посильную помощь. Вскоре о талантливой тройке заговорили в городе. Ряд ученых Саратовского университета дали положительный отзыв на их работу.

И вот осенью 1925 года Саратовский губисполком принял решение командировать изобретателей в Москву и Ленинград для консультаций у ведущих специалистов отрасли. Сбывалось то, о чем еще полтора года назад Грабовский не осмеливался даже мечтать.

В ГОСТЯХ У МЭТРА

Трое молодых провинциалов, нагрянувших без приглашения в одну из квартир дома номер 20 по 9-ой линии Васильевского острова, были готовы к любому повороту событий.

Хозяин – молодо выглядевший худощавый брюнет с элегантной бородкой клинышком – и виду не подал, что удивлен неожиданным визитом. Вежливо ответил на приветствие, выслушал сбивчивые объяснения, затем провел в комнату, усадил за стол, а сам принялся читать пояснительную записку, которую вручил ему Грабовский.

Еще не дочитав до конца, Розинг взволнованно воскликнул:

- Да понимаете ли вы сами, какую махину пытаетесь сдвинуть с мертвой точки!

Затем профессор поинтересовался, запатентовали ли они свое изобретение.

Гости лишь недоуменно переглянулись, не вполне понимая суть вопроса.

- Примите один совет на будущее, - разъяснил Розинг. – Никогда не пренебрегайте оформлением патентов, ибо в мире техники, к сожалению, обитает немало любителей позаимствовать чужую идею, особенно, если она перспективна. А ведь воровство новаторских идей, по сути, ничем не отличается от кражи незарегистрированных золотых самородков или необработанных еще алмазов. По счастью, в нашей с вами власти сейчас же исправить ваше упущение, - и он позвонил по телефону в Бюро переписки, попросив срочно прислать к нему домой секретаря-машинистку Жигунову.

Вскоре пришла миловидная девушка с короткой стрижкой. Розинг отрекомендовал ее – Лидия Алексеевна Жигунова, дочь известного, но, увы, ныне покойного петроградского архитектора, добросовестная и надежная работница.

Лида села за машинку. Борис не мог оторвать взгляда от ее мелькавших пальчиков. Перехватив его взгляд, девушка нахмурилась. Борис совсем смешался, так что не сразу понял уточняющий вопрос, который задал ему профессор.

ЖЕСТКИЕ СРОКИ

С этого вечера (и совершенно бескорыстно) Розинг взял провинциальных изобретателей под свое авторитетное крыло.

Будучи экспертом Комитета по делам изобретений и открытий СССР, он написал официальный отзыв на их работу, где, в частности, говорилось:

Наибольшая ценность проекта заключается в применении на обеих сторонах (отправительной и приемной) катодных лучей, как обладающих свойством безынерционности, и допускающих поэтому возможность наиболее совершенной синхронизации движений.

Розинг свел своих гостей с рядом известных ленинградских специалистов, которые также дали положительный отзыв на их работу.

Затем неутомимый профессор переговорил с руководством Треста заводов слабых токов, возглавлявшего в те годы все радиотехнические предприятия страны. В результате Трест заключил с группой Грабовского договор, по которому на электровакуумном заводе Светлана должны были изготовить заявленный аппарат по чертежам изобретателей, а им самим выплачивать зарплату. Но условия договора были крайне жесткие: на изготовление действующего макета первой в мире полностью электронной телеустановки отводилось всего три месяца!

И всё же изобретатели были счастливы. Им казалось, что они уже у цели.

С первых же дней выяснилось, однако, что руководство Треста не делает серьезной ставки на аппарат Грабовского. Трест нарушал свои же обязательства. Изобретателям обещали

дать конструктора, а прислали простого чертежника, выполнение заказов затягивалось, детали поступали бракованные...

Единственное, в чем нельзя было упрекнуть Трест, так это в том, что все заявления и жалобы изобретателей аккуратно подшивались в отдельной папке, которая позднее перекечивалась в Госархив, благодаря чему десятилетия спустя, стало возможным с определенной степенью достоверности восстановить всю эту историю.

А история в целом получилась грустной, ибо воплотить проект в готовое изделие в столь сжатые сроки было совершенно нереально. Между тем, через три месяца, ровно день в день, сотрудничество с изобретателями было прекращено. К этому времени была готова лишь передающая аппаратура, а приемная не работала из-за дефекта трубки.

Не помогло и энергичное заступничество Розинга, который выступил на заседании правления Треста, не стесняясь резких выражений, но поддержки у чиновников так и не нашел.

Согласно сохранившимся финансовым документам, общие расходы Треста на группу Грабовского не превысили двух тысяч рублей, включая зарплату изобретателей.

Для сравнения. Примерно в тот же период другой ученик Розинга - В.К.Зворыкин, эмигрировавший на Запад еще до революции, вел работы в аналогичном направлении. Президент фирмы Радиокорпорация Америки Дэвид Сарнов спросил его, какую сумму, по его мнению, должна вложить фирма в разработку телевизионной системы. Зворыкин ответил, что планировать следует порядка 100 тысяч долларов. Сарнов согласился, хотя в последующем потратил фактически свыше 50 млн. долларов, прежде чем была изготовлена сколько-нибудь пригодная для эксплуатации телевизионная система.

Ленинградская осечка привела к тому, что небольшой творческий коллектив распался. Пискунов и Попов решили вернуться к своей прежней работе. Но Борис Грабовский и не думал опускать руки. В течение этих трех ленинградских месяцев он неоднократно встречался с Розингом, подолгу беседуя с ним, и теперь чувствовал еще большую уверенность в правильности избранного пути.

Встречался он и с Лидой, несколько раз побывал в ее доме, познакомился с ее родственниками.

Про себя он уже твердо решил, что вернется в Ташкент и там продолжит работу над телефотом на собственный страх и риск.

Однако перед отъездом следовало решить еще одну проблему.

Собравшись с духом, Борис предложил Лиде стать его женой и ехать вместе с ним.

Она согласилась.

ЛАБОРАТОРИЯ В СТАРОЙ КОНЮШНЕ

В Ташкент попали не сразу. На несколько месяцев застряли в Саратове у тетки Сусанны. Не было денег на билеты, как и на последующее обустройство. Хуже всего, что найти какой-либо заработок в Саратове в тот период было невозможно – тысячи безработных осаждали биржу труда.

И тогда Борис, вопреки своей репутации непрактичного чудака, нашел весьма оригинальный выход. Он разыскал Пискунова и Попова и уговорил их читать в клубах платные лекции о телефоте и дальновидении. Заказали афиши, договорились с завклубами.

В общем-то, если честно, в эту прекрасную идею мало кто верил, но народ вдруг повалил на мероприятие валом. Удалось заработать не только на первоочередные нужды, но еще скопить немного денег на дальнюю дорогу.

В Ташкент прибыли осенью 1926 года. Здесь уже знали о его ленинградской неудаче.

Но Борис был полон оптимизма.

Молодая семья поселилась в старой части города – на Шайхантауре.

Хозяин, старый узбек Юсупхан Мирзамухамедов, сдал им балахану – комнату над давно не используемой по прямому назначению конюшней. Но Борис был в восторге от непритязательного жилья, поскольку, во-первых, строение стояло отдельно, а, во-вторых, с разрешения хозяина конюшню можно было превратить в некое подобие мастерской и лаборатории.

Переполненный свежими идеями, молодой и непризнанный изобретатель вскоре развил бурную деятельность, восстанавливая свои прежние связи. Много новых идей появилось у него после бесед с Розингом, после практической работы на Светлане, хотелось быстрее воплотить свои задумки в реальное изделие. Свои услуги предложил ему давний покровитель – профессор-сейсмолог Г.В.Попов, затем к делу подключились инженеры К.К.Сливицкий и О.И.Копытовская (ученица Розинга), другие энтузиасты. Реальную поддержку Борис нашел на научно-испытательной станции при управлении Среднеазиатского округа связи. Особенно полезным оказалось знакомство с молодым сотрудником станции Иваном Белянским. Грабовский буквально заразил его своей верой в идею дальновидения.

И пускай глубокими техническими знаниями Белянский похвастать не мог, зато он оказался превосходным переговорщиком и организатором, а без таких людей, как известно, не удается продвинуть ни одно изобретение.

Поскольку главным препятствием на пути новинки по-прежнему оставалась нехватка средств, то решили обратиться к правительству республики, которое в то время находилось в Самарканде. Во время одной из своих командировок в этот древний город Белянский, с его пробивной изворотливостью, сумел попасть на прием к самому председателю ЦИК Юлдашу Ахунбабаеву, да и поговорить с ним сумел от души.

Беседа длилась более двух часов. Ее итогом стало маленькое чудо: Ахунбабаев дал указание взять шефство над изобретателями. Для покупки деталей им выделялась сумма в размере 1000 рублей, причем часть заказов размещалась на предприятиях республики по государственному, то есть, копеечному, расценкам.

Всё это время Грабовский вел оживленную переписку с Розингом. Ленинградский профессор по-прежнему помогал талантливому самородку дельными советами. Так, он писал:

Из своей практики я вынес убеждение, что надеяться на незыблемость патентов нельзя. Единственное средство – это непрерывно его развивать. Иначе всегда есть такие стороны у него, которые могут быть развиты другим лицом...

Следуя этому совету, Грабовский послал новую заявку в Комитет по делам изобретений и открытий СССР в дополнение к основному патенту, включив в число соавторов И.Ф.Белянского.

Вскоре стало ясно, что на предприятиях республики изготовить катодные трубки и лампы требуемых качеств невозможно.

И вот Белянский, получив самые подробные инструкции от своего научного руководителя, отправился в Ленинград, для встречи с Розингом.

Профессор снова принял самое живое участие в судьбе изобретения. Ознакомившись с чертежами, он поехал вместе с Белянским на Светлану.

Заказ был выполнен в течение месяца, при этом его качество на всех этапах контролировал лично Розинг, обязывая исполнителей переделывать работу при малейшем отклонении от нормы.

УСПЕШНЫЕ ИСПЫТАНИЯ

Осенью 27-го года начали монтировать блоки телефота на научно-испытательной станции, зимой они были готовы к экспериментам.

Первые опыты принесли разочарование. Изображения движущихся предметов не получались.

Обстановка становилась все более нервной.

Грабовский заново компоновал схемы и узлы, менял источники и силу света... И вот впервые на экране размеров в 12 квадратных сантиметров появилось контурное изображение ладони с пальцами, затем силуэт головы. Картинка не отличалась четкостью, и всё же было ясно видно, что голова кивает то вправо, то влево.

Вскоре в лабораторию зачастили высокие гости. По всему чувствовалось, что дело идет к успеху.

И вот в феврале 1928 года при очередном включении установки на экране вдруг появилось четкое изображение головы жены изобретателя. Находившийся здесь же в ту минуту корреспондент газеты Правда Востока Эль-Регистан успел сфотографировать это изображение, а затем отдельно и Лиду – для сравнения.

На 26-е июля были назначены официальные испытания.

Аппарат включили ровно в полдень в присутствии специальной комиссии во главе с профессором Златоврацким.

На экране сразу же появилось изображение человека, его лицо, руки. Было четко видно, что он снимает и снова надевает фуражку. Все присутствующие узнали в нем Белянского. Эксперимент повторяли несколько раз. Подробности этого успешного испытания были зафиксированы в акте, подписанном всеми членами комиссии и ее председателем.

А 4-го августа, немного изменив схему, Грабовский повторил опыт в условиях улицы. По разные стороны перекрестка двух оживленных ташкентских улиц, - возле кинотеатра Хива и у крыльца здания узбекских женских курсов - были установлены электронные передатчик и приемник. И снова – полный успех! После включения на экране появились движущиеся изображения пешеходов, затем трамвая. Это было подобно чуду. Необычные кадры были сняты на кинолентку ташкентскими документалистами и затем демонстрировались в кинотеатрах перед началом обычных киносеансов.

В эту счастливую для него пору изобретатель и помыслить не мог, какие тяжкие испытания ждут его детище впереди.

ДОРОЖНЫЙ СЮРПРИЗ

По ходатайству комиссии профессора Златоврацкого было решено отправить аппарат молодого изобретателя в Москву для демонстрации перед научно-техническим советом экспертов ВСНХ РСФСР. Командировку в столицу получил и Грабовский вместе со своим верным помощником Белянским. Это был реальный шанс заявить о своем открытии на всю страну, а быть может, и на весь мир.

Как драгоценный и хрупкий сервиз, изобретатели упаковали телефот и всю сопутствующую аппаратуру в два больших ящика, затем наняли арбу и лично сопровождали багаж до вокзала. На грузовом дворе с величайшей осторожностью погрузили ящики в товарный вагон. Сами же, полные радужных надежд, отправились в Москву пассажирским поездом, куда и прибыли намного раньше своего груза, двигавшегося малой скоростью.

Дня не проходило, чтобы беспокойные изобретатели не навещали в контору грузовой станции Казанского вокзала столицы.

И вот им сообщили, что долгожданный багаж прибыл.

Грабовский и Белянский вскрыли ящики здесь же, на грузовом дворе.

Увы, их взорам предстала груда битого стекла и сорванные, деформированные трубки...

Будто какой-то безумный джинн куролесил внутри ящиков во время долгого путешествия!

Джинн не джинн, но фактически это означало, что о демонстрации прибора не может быть и речи, как и о его восстановлении здесь, в Москве, и что всё нужно начинать с самого

начала, включая бесконечные хождения по инстанциям. Вдобавок ко всему, железная дорога наотрез отказалась выплачивать какую-либо компенсацию за повреждение груза – дескать, именно в таком виде прибор был отправлен из Ташкента, ведь снаружи упаковка целая!

А тут еще новая закавыка...

На следующий день после громкого скандала на грузовом дворе Белянский получил извещение о том, что должен незамедлительно вернуться в Ташкент ввиду его призыва для прохождения службы в рядах Красной Армии.

Совершенно отчаявшийся Грабовский уехал к родственникам на юг России.

Но верность своей мечте он все еще сохранял...

ПОСЛЕДНИЙ УДАР

Между тем, жизнь продолжала преподносить сюрпризы.

Верный помощник изобретателя Иван Белянский, призванный в Ташкенте на военную службу, оказался не где-нибудь, а в Ленинграде, где был зачислен лаборантом электротехнического факультета связи Военно-технической академии Красной Армии!

Как раз в это время на факультете активно обсуждался вопрос о перспективах телевидения в военном деле. На исследования в этой области сверху были даже отпущены определенные средства, вот только специалистов нужного профиля найти никак не удавалось.

И вот в этой ситуации, откуда ни возьмись, на авансцене событий появился Белянский, энергичный молодой человек, как раз имевший опыт работы по столь редкой проблеме!

Само собой, он тут же, без промедления, в самых ярких красках доложил начальству о своем учителе Борисе Грабовском. Более того, не скупясь на дифирамбы, сумел до такой степени заинтересовать своих командиров его персоной, что Грабовскому тут же отправили депешу с предложением прибыть в академию, посулив обеспечить оптимальные условия для творческой работы.

Казалось бы, ну, теперь изобретателям-самоучкам и карты в руки, и все, как по волшебству, должно перевернуться с ног на голову!

Вообще-то, судьба редко предоставляет неудачникам, да еще так быстро, повторный шанс, но тут она улыбнулась им широко и белозубо, чего же еще желать!

Без малейшего промедления изобретатель примчался в Ленинград, располагая чертежами нового варианта телефота, на который уже имелись положительные отзывы.

Русского Эдисона встретили на факультете прекрасно. Тут же безо всяких бюрократических проволочек зачислили на должность инженера, выдали подъемные и даже снабдили талонами на питание в академической столовой. Перспективы и в самом деле казались обнадеживающими, и Грабовский, засучив рукава, включился в работу, надеясь, что теперь-то непременно доведет свое детище до логического завершения.

Пора бы уже, давно пора!

Увы, оказалось, что даже в расписанной по пунктам системе не всё обстоит так благостно. Через неделю руководитель сектора научно-исследовательской работы в категорической форме объяснил изобретателю, что по утвержденному плану в лаборатории должна создаваться не электронная, а механическая телевизионная система.

Грабовский пытался спорить, но что он мог доказать военным людям, имевшим сверху четкое распоряжение на этот счет? Самое обидное, что эксперты академии, бегло ознакомившись с новыми чертежами изобретателя, называли телефот – его любимое детище бесперспективным аппаратом.

Это был достаточно краткий период в истории развития телевидения, когда в научных и инженерных кругах механическая система имела больше сторонников, чем электронная. Механические телевизионные передатчики с успехом работали в наиболее индустриально

развитых странах мира – США, Англии, Германии... Принципиальные недостатки этих передатчиков еще считались в тот период технически устранимыми.

И всё же Грабовский не собирался сдаваться так легко. Хотя ему было и неловко беспокоить в очередной раз своего надежного заступника Бориса Львовича Розинга, но всё же он решил ради интересов дела снова прибегнуть к авторитету маститого ученого.

На Васильевский поехали вместе с Белянским, прихватив скромные гостинцы. Предупреждать о своем визите телефонным звонком не стали. Пускай уж будет сюрприз.

А вот и знакомый дом.

На звонок дверь открыла жена Розинга – Александра Вильгельмовна. Уже по ее скорбному виду стало ясно, что стряслась какая-то беда. Не сдержав слез, супруга ученого сообщила гостям, что Борис Львович арестован ОГПУ и сослан в Котлас.

По воспоминаниям Белянского, эта новость нанесла по психике Грабовского сокрушительный, неотразимый удар.

Если все свои прежние неудачи изобретатель воспринимал с упорством стоика и даже как бы закалялся в их огне, то весть об аресте Учителя словно надломил в нем некий внутренний стержень.

К вечеру он заболел тяжелым нервным расстройством и слег. Воспользовавшись удобным предлогом, руководство факультета академии поспешило избавиться от неуживчивого сотрудника, освободив его от занимаемой должности.

Это случилось в 1931-м году.

С той поры Борис Грабовский более не пытался воссоздать свой радиотелефот, хотя никогда не прекращал активной изобретательской деятельности.

Вскоре после сокрушительной ленинградской катастрофы, он вернулся в Ташкент, откуда в 1934-м году переехал с семьей в столицу Киргизии – Фрунзе. Устроился на механический завод, получил, наконец, высшее образование, закончив физико-математическое отделение Киргизского пединститута. Характерно, что именно за изобретательскую деятельность он был освобожден от экзаменов. К началу 60-х на его счету имелось 12 авторских и свыше 50 заявочных свидетельств на изобретения.

По-прежнему он схватывал все новое на лету, интересовался всеми сферами научного прогресса.

Была лишь одна тема, которую он неизменно обходил молчанием.

Радиотелефот...

Даже жена, от которой у него никогда не было тайн, знала точно: с этим покончено навсегда, не стоит задевать оголенного нерва, притом, что голубой экран светился уже во многих домах, и мало кого интересовало, кто и как экспериментировал в этой сфере в давние времена...

Даже жена, самый близкий ему человек, не догадывалась в ту пору, что слава Грабовского, как одного из творцов электронного телевидения, еще впереди.

В ЗИМНИЙ ВЕЧЕР

В начале 1961 года в руки Грабовского попала книга известного американского писателя Митчела Уилсона Брат мой, враг мой, выпущенная издательством Иностранная литература в 1956-м году. Сюжет романа основывался на научной проблематике, и книга была особенно популярна в кругах советской технической интеллигенции. Вот и Грабовскому ее посоветовал прочитать кто-то из коллег.

Был зимний вечер, звездный, но темный, обычный для Средней Азии в эту пору года.

В маленьком домике на окраине Фрунзе царил тишина. Внезапно Борис Павлович оторвался от чтения и воскликнул, обращаясь к жене:

- Нет, ты только послушай, Лида! Автор в точности описывает наши ташкентские опыты! Он словно прочитал наши старые дневники! Помнишь, как на экране появилось изображение

твоей руки?! И здесь всё совпадает до мелочей! Вот только приоритет автор отдает почему-то своим землякам, американским изобретателям!

- Боря, но ведь это не научное сообщение, а роман, чисто литературное произведение, - возразила жена. – Автор имеет право на творческий вымысел.

- На вымысел – да, но не на искажение конкретных фактов! – не уступал муж, вдруг проникаясь боевым духом. – А ведь здесь и даты названы! 1929 год! И утверждается, что американцы совершили это впервые в мире! Так и написано, черным по белому! Но ведь мы это сделали годом раньше! Нет, Лида, дело тут не в моей прихоти и не в капризе, да бог с ними, а в приоритете страны! (Мне за державу обидно! – мог бы воскликнуть Грабовский, будь снят в то время фильм Белое солнце пустыни.) Будь что будет, но я этого так не оставлю! Знаешь, что я сделаю прямо сейчас?! Напишу в Москву! Пускай там рассудят!

ЗАПОЗДАЛАЯ СЛАВА

Первая большая статья о Борисе Грабовском и его соавторах после длительного периода забвения появилась в Экономической газете в номере от 20 ноября 1961 года под заголовком Правда о телевидении. Стоит, пожалуй, напомнить, что в тот период Экономическая газета являлась органом ЦК КПСС, и ни один крупный материал в ней, особенно связанный с тем или иным конкретным персонажем, не мог появиться без санкции высокого партийного начальства. Этой статьей была дана своеобразная отмашка. После нее материалы о неизвестном широкой публике изобретателе посыпались как из рога изобилия. В них подчеркивалась непреходящая значимость того, что совершили Грабовский и его товарищи.

В частности, в корреспонденции ЛенТАСС этого периода говорилось: 26 июля 1928 года должно стать одной из памятных дат в истории отечественной техники.

Еще через некоторое время начали выходить публикации, адресованные зарубежному читателю.

Так, 7-го марта 1964 года в Вестнике информации, выпускаемом ТАСС для Нью-Йорка, Лондона, Парижа и Токио, появилась заметка о давних опытах Грабовского и Белянского. Эта небольшая публикация стала настоящим откровением для большинства западных специалистов, связанных с созданием телевизионной техники. Многие высказывали сомнения по поводу содержащихся в ней утверждений. Но советская сторона приводила всё новые и новые факты – архивные документы, копии патентов и т.д.

Всего же в первой половине 60-х годов в советской и зарубежной прессе появилось около двухсот журнальных и газетных статей, которые убедительно ответили на вопрос, кому же всё-таки принадлежит мировой приоритет в области создания электронного телевидения.

Наконец, с признанием приоритета СССР вынужден был выступить президент Международной ассоциации прессы по радиотехнике и электронике господин Э.Айсберг, автор широко известных книг Радио – это просто и Телевидение – это очень просто (неоднократно издававшихся в Советском Союзе).

Во французском научно-техническом журнале Телевизион, 157 за 1965 год, он отметил:

Нами тщательно изучена вся научно-техническая литература, касающаяся этих работ, и все относящиеся к этому делу документы, которые подтверждают факт осуществления Б.П.Грабовским и И.Ф.Белянским первой в мире телевизионной передачи с помощью электронных телевизионных устройств в 1928 году в СССР. Фактически вся стопроцентная телевизионная система, использующая трубки с катодными лучами, была предложена еще в 1925 году русскими изобретателями Б.П.Грабовским, В.М.Поповым и Н.Г.Пискуновым. Затем Грабовскому с помощью И.Белянского удалось смонтировать и окончательно доделать телефот (связь между передатчиком и приемником осуществляется по радио) в ташкентской лаборатории. В 1928 году они окончательно и успешно завершили свои опыты.

К несчастью, замечательное изобретение не было оценено по достоинству в годы, когда господствовала механическая система телевидения. Заслуги Грабовского в развитии электронного телевидения неоспоримы...

Документы были рассмотрены комиссией ЮНЕСКО, Академией наук СССР, организацией Интервидения, рядом министерств и ведомств Советского Союза, которые также пришли к выводу о несомненном приоритете Грабовского и его коллег по затронутому вопросу. На этот счет не было ни малейших разночтений.

Казалось, ну, сейчас справедливость восторжествует, и на наших изобретателей обрушится водопад славы, почестей и наград.

Чем же отметила страна их выдающиеся заслуги?

В июле 1963 года Грабовский был награжден памятным значком 25 лет телевидения. Несколько ранее он был премирован за изобретательскую инициативу, проявленную в 20-30 годах разовой суммой в размере двухсот рублей, что примерно соответствовало полуторамесячному окладу рядового инженера. Наконец, в ноябре 1965 года Грабовскому и Бемянскому было присвоено звание Заслуженный изобретатель Узбекской ССР с вручением соответствующей медали. Вот, собственно говоря, и всё.

Характерно, что львиная доля публикаций о телефоте появлялась либо в ведомственных и отраслевых изданиях центральной печати (Экономическая газета, Радио и телевидение и т.д.), либо же в региональных средствах массовой информации (Правда Востока, Ташкент; Советская Киргизия, Фрунзе и др.).

После того, как приоритет Советского Союза в области создания электронного телевидения был признан на международной арене, партийные власти, как, впрочем, и официальная наука, снова утратили всякий интерес к творческому потенциалу самодеятельного изобретателя, чьи оригинальные замыслы так и остались нереализованными.

ОДИНОЧЕСТВО ТАЛАНТА

Среди тех, кто хорошо знал Грабовского, был Константин Константинович Сливицкий (1906-1983), сам человек весьма интересной, яркой судьбы, один из первых радиолюбителей-коротковолновиков СССР.

Сливицкий помогал изобретателю в самый успешный период его деятельности на научно-испытательной станции округа связи в Ташкенте. Но затем молодого радиоинженера командировали в Кушку для выполнения особого задания (по одной из версий, с разведывательной миссией), и на какое-то время он утратил связь с Грабовским. Позднее контакты возобновились, и Сливицкий, главным образом, через общих знакомых, имел полное представление об образе жизни в киргизской столице Грабовского, к которому он относился с неизменным трепетным почитанием.

Вообще, Сливицкий немало сделал для популяризации изобретательской деятельности Грабовского: давал интервью, писал статьи, выступал с лекциями. А на рубеже 80-х годов, сумев добиться от городских властей выделения необходимых средств и собрав вокруг себя группу энтузиастов, Сливицкий организовал в одном из пригородов Ташкента – Спутнике – музей электронного телевидения имени Грабовского, укомплектовав его экспозицию уникальными экспонатами – частично из домашней лаборатории изобретателя.

Автору этих строк довелось неоднократно встречаться со Сливицким, который откровенно поведал о тех мытарствах, что выпали на долю Грабовского в последний период его жизни.

- Жил он в небольшом частном домике на окраине Фрунзе, - вспоминал Константин Константинович. – Местность напоминала, скорее, сельскую. Участок огибал тихий ручей, заросший камышом. Над этим ручьем Грабовский соорудил из досок и горбылей сооружение, которое правильнее было бы назвать сараем. Это пристанище стало, по сути, последней лабо-

раторией, мастерской и научно-экспериментальной базой изобретателя. Он был переполнен различными идеями и замыслами, как свежими, так и вынашиваемыми еще с отроческих лет, когда он впервые почувствовал в себе тягу к изобретательству. Много сил отдал конструированию оригинальных очков для слепых, добившись, в конце концов, желаемого эффекта. Там, на территории своей последней пристани, Грабовский разработал и построил лодку без мотора, способную двигаться исключительно за счет энергии волн даже против течения. Там он придумал и смастерил собственными руками жабры для подводного плавания, малолитражный вертолет, планер с тремя крыльями... Среди других его разработок - несколько типов аккумуляторов и гальванических элементов, термитный патрон и граната с крыльями (даже человек с обычными физическими данными мог метнуть ее на расстояние порядка ста метров). Работая за письменным столом, он разгадал секрет конструкции плотов древних перуанцев и написал несколько научно-фантастических романов, так никогда и не издававшихся. Он пытался продвинуть свои изобретения и идеи, рассылал заявки и письма, но в лучшем случае получал лишь вежливо-обтекаемые ответы...

- Прощумевшая волна всемирной славы, - сетовал Сливицкий, - не принесла ему ни истинного признания со стороны академических учреждений, ни материального достатка, ни привилегированного положения в обществе. Да, его могли выслушать в каком-нибудь высоком кабинете, но дальше вежливых обещаний дело не шло, а фактически для местных чиновников он так и оставался самоучкой, чудаком и даже городским сумасшедшим. За его спиной над ним нередко потешались... А в центре о нем, похоже, и вовсе забыли. Идеи замечательного изобретателя так и остались невостребованными.

* * *

Грабовский умер во Фрунзе, в январе 1966 года. Траурная церемония была очень скромной, крохотные некрологи появились лишь в местных газетах. Наверное, по этой причине весть о кончине первопроходца электронного дальновидения докатилась даже до хорошо информированной французской прессы с большим опозданием. Во всяком случае, некролог в газете Электроник актуалите под символическим заголовком Смерть пионера телевидения появился лишь 15 мая.

При этом сообщалось, что изобретатель умер где-то в Сибири...

Глава 5 Кинофабрика грёз доктора Геббельса -2 /История/

После войны фильмы, снятые в Бабельсберге под эгидой всемогущего рейхсминистра, посмотрело больше зрителей, чем за весь период правления нацистов. Особой популярностью пользовались ленты с участием королей экрана

ЗАРА ЛЕАНДЕР

Эту высокую, статную шведку с роскошной гривой рыжих волос и зелеными глазами, курившую как паровоз и пившую как лошадь, не пьянея при этом, имевшую на родине славу полу – Греты Гарбо, полу – Марлен Дитрих, пригласили на киностудию УФА в конце октября 1936 года. Согласно заключенному контракту, за первые три фильма ей полагался гонорар в размере 200 тысяч рейхсмарок, 53 процента из которых в шведских кронах переводились на ее банковский счет в Стокгольме. В случае кассового успеха фильмов предусматривалось удвоение гонорара. (Популярные немецкие киноактеры за ту же работу получали не более 30 тысяч марок.) Кроме того, она выторговала себе право дважды в месяц летать за счет студии в Стокгольм для встречи с родными.

30-летняя Зара с лихвой оправдала возложенные на нее надежды. Первая же ее лента – К новым берегам - пользовалась бешеным успехом у немецких зрителей и шла при переполненных залах. Слава Зары Леандер росла от фильма к фильму. Третья картина с ее участием – Родина (первый немецкий цветной фильм) – стала лидером по кассовым сборам и получила один из призов на бьеннале в Венеции. Зара представляла на экране то в образе женщины-вампа, увлекающей очередную жертву к пропасти, то в роли верной возлюбленной, то хранительницей семейного очага, осознающей свою ответственность за судьбы близких. Роли были разные, но актриса неизменно попадала в настроение публики.

На постановку каждого фильма с участием дорогостоящей кинозвезды отводилось 3-4 месяца, из которых собственно съемки занимали не более полутора месяцев. Всё остальное время занимал подбор костюмов и грима для Зары. Для нее создавались экстравагантные платья, продумывалась каждая деталь туалета - украшения, мех, застежки, чулки, обувь и т.д. Костюмеры УФА завели особые папки, содержащие подробнейшие предписания к нарядам кинозвезды. Имелся также целый набор ухищрений, помогавших скрыть ее лишний вес и весьма сильную близорукость.

Кроме яркой внешности, Зара Леандер обладала удивительно притягательным голосом – глубоким контральто. Почти в каждом своем фильме она сама исполняла песни, которые тут же становились шлягерами. Ее голос звучал с пластинок и по радио, никого не оставляя равнодушным.

Гитлер был в восторге от игры Леандер, фильмы с ее участием неизменно приводили его в хорошее настроение.

А вот Геббельс поначалу отнесся к новой кинодиве скептически, записав в своем дневнике: Смотрел фильм с Зарой Леандер. Ничего особенного. Я думаю, что ее сильно переоценивают.

Однако прелести очаровательной скандинавки, надо полагать, разбудили у Шитера-сердцеда другого рода желания. Маленький доктор вообще предпочитал рослых женщин с хорошо развитыми формами, экзотические типы красоты. Пройти мимо Зары Леандер, не предприняв попытки покорить ее, он никак не смог бы.

Однажды Зара получила от Геббельса пышный букет из сорока роз, куда была вложена записка с приглашением посетить его загородный дом для деловой беседы.

Оказавшись на вилле рейхсминистра в Шваненверде, Зара вдруг поняла, что является здесь единственной гостьей.

Заметив ее удивление, Геббельс, который был ниже кинозвезды на целую голову, уточнил, что истинной целью приглашения было совместное проведение вечера за приятной беседой.

Позднее Зара признавалась, что они пили шампанское и танцевали, но с негодованием отвергала любые намеки на действия более интимного свойства.

Однако же, вот какой парадокс: после той встречи между Леандер и Геббельсом установились весьма приятные отношения. Отныне Геббельс восторженно утверждал: Зара Леандер – необычное явление! и называл ее локомотивом немецкой киноиндустрии. Начиная с 39-го года, Зара неизменно занимала верхнюю строчку в списке самых высокооплачиваемых звезд немецкого кино.

Со своей стороны, Зара даже после краха Третьего рейха не раз говорила в своих интервью: Думайте обо мне что хотите, но Геббельс был в высшей степени интересным человеком, у него было отличное чувство юмора, он мог понять любую ситуацию. А всё остальное – не мое дело...

В Бабельсберге Зара снялась в десяти фильмах. Снималась бы и еще, поскольку находилась на вершине своей славы, но... Несмотря на богемный образ жизни, эта шведка отличалась практическим складом ума. Она первой из королев экрана поняла, что нацистский режим обречен, и пришла пора воспользоваться своим шведским паспортом.

В апреле 1943 года, закончив сниматься в фильме Тогда и записав очередную пластинку, она фактически бежала из Германии в Швецию, ухитрившись перед этим отправить на родину ценные картины, предметы старины и антикварную мебель.

Она будет сниматься в кино и выступать с концертами, в том числе на телевидении, еще долго – вплоть до 10-го октября 1978 года, когда на венской сцене у нее произойдет кровоизлияние в мозг, после чего она будет прикована к постели еще около трех лет.

В последнее время появились сведения, что в годы нацизма Зара Леандер активно работала на советскую разведку под псевдонимом Роз-Мари. Пользуясь возможностью регулярно летать в Стокгольм, она встречалась там со своей связной Зоей Рыбкиной и передавала ей ценную информацию. Об этом, в частности, пишет английский историк Энтони Бивор, ссылаясь на публикации в авторитетной газете Таймс. Но какие-либо подробности этого сотрудничества неизвестны.

МАРИКА РЁКК

Эта плохо говорившая по-немецки венгерская актриса создавала на экране образы, в которых броская красота искусственной темпераментной женщины сочеталась с золотым сердцем наивной, но искренней сумасбродки. То вдруг она предстала в роли новенькой, хорошенькой куколочки, будто только что извлеченной из хрустящего целлофана. Стать блистательной звездой экрана ей помогла не только яркая внешность, но и та физическая подготовка, которую она получила в детстве и юности: Марика легко проделывала головокружительные акробатические трюки, лихо отбивала чечетку и скакала на лошади, как заправский ковбой. Магия ее дурманящего эротизма была так сильна, что редкий зритель не испытывал желания повторно, в третий, в десятый раз посмотреть тот или иной фильм с ее участием. Исключением был разве что Штирлиц, который, если помните, ненавидел самый известный фильм с участием Марики Рёкк – Девушка моей мечты.

Кстати говоря, этот фильм, который в оригинале имел название Женщина моих грез, снимался на рубеже 1943-1944 годов. Но вот что удивительно: съемки этой музыкальной комедии, в которой нет даже намека на войну, протекали под самым пристальным патронажем рейхсминистра Геббельса. Маленький доктор регулярно просматривал отснятые кадры, вносил свои замечания. Так, ему не понравился танец Марики с ее чувственными, обвивающими мужчину

движениями. Это фривольность! – возмутился бабельсбергский бычок. – Немецкая женщина не должна так танцевать! Раскритиковал он и ее легкий наряд, находя его чересчур эротическим. В результате танец пришлось снимать заново. Но свой эротический костюм Марика всё-таки отстояла.

Чем же был обусловлен повышенный интерес Геббельса к съемочному процессу очередной, совершенно безобидной кинокомедии? По Берлину ходили упорные слухи о романе между маленьким доктором и темпераментной венгеркой.

Много лет спустя после войны Марика Рёкк отважилась поведать такой эпизод.

В перерыве между съемками фильма Девушка моей мечты Марика вместе со своим мужем – режиссером Георгом Якоби зашла в ресторан мюнхенского отеля Регина. Едва расположившись за столиком, она заметила, что в противоположном конце зала обедает со своими спутниками Геббельс. На какой-то миг их глаза встретились. Вскоре Геббельс послал ей огромный букет роз и просьбу пересесть вместе с мужем за его столик.

Марика сидела рядом с Геббельсом. Тот рассеянно вертел в руках монету и внезапно упустил ее. Спутники министра, как по команде, нырнули под скатерть, и вскоре один из них разыскал упавшую монету, вернув ее Геббельсу. Тот продолжал вертеть монету и через какое-то время снова упустил ее, на этот раз, вне всяких сомнений, умышленно. Спутники Геббельса снова приготовились было к нырку, но министр жестом велел им не суетиться и полез под стол сам. Длань самого министра недвусмысленно обхватила мою лодыжку, – развивает этот эпизод Марика. Когда, Геббельс, наконец, снова занял свое место, Марика достала из кошелька три монеты: Это вам, чтобы не пришлось наклоняться всякий раз! Геббельс только улыбнулся в ответ.

По уверениям актрисы, этим и ограничился весь интим между ними.

Что ж, возможно всё было именно так.

Следует, однако, иметь в виду, что после войны кинодеятели, подозреваемые в тесном сотрудничестве с нацистскими властями, подвергались преследованию. Им запрещалось в течение определенного срока работать в кино и театре, у них конфисковалась часть имущества. Не избежала допросов и Марика Рёкк. Естественно, она, как, впрочем, и другие кинозвезды, отрицала всякий интим с министром пропаганды, отлично понимая, к каким последствиям для нее это может привести.

Между тем, известно, что Марика неоднократно бывала в доме Геббельсов, причем порой совпадало так, что хозяйка дома – Магда Геббельс – именно в это время находилась с детьми на загородной вилле.

Да и Геббельс, наметив очередную жертву, никогда не отступал так легко. Вообще, по мнению многих современников, Геббельс в действительности не любил женщин, но испытывал постоянную потребность покорять их, чтобы заглушить комплекс неполноценности, вызванный физическими недостатками. Именно поэтому Геббельс выбирал для своих наскоков самых привлекательных и ярких актрис, всегда предпринимая максимум усилий для их покорения, не отказываясь при этом от крайне экстравагантных выходов. Были, конечно, и однозначные отказы – от той же Лени Рифеншталь, от Марлен Дитрих... Однако, кто знает, сколько раз он праздновал победу!

Но однажды Геббельс влюбился по-настоящему...

ЛИДА БААРОВА

Эта изящная, редкостной красоты актриса чешского происхождения стала популярной у немецких зрителей после успеха первого же фильма с ее участием – Баркарола. Ее партнер по кинокартине – кумир публики Густав Фрелих почти сразу же стал ее любовником. Они поселились вместе на вилле, которую Фрелих снял в престижном пригороде.

А вскоре – летом 1936 года – Баарову заприметил маленький доктор. Она как раз снималась в фильме с символическим названием – Час искушений. Молодая актриса, отличавша-

яся амбициозностью, не противилась ухаживанию со стороны бабельсбергского бычка, надеясь, видимо, устроить таким образом свою кинематографическую карьеру. Через некоторое время среди берлинцев поползли слухи, что рейхсминистр зачастил на виллу, снятую Фрелихом. Было подмечено, что автомобиль маленького доктора появлялся у ворот очаровательной кинодивы именно в те периоды, когда Фрелих, согласно контракту, находился на съемках.

Не без смакования подробностей рассказывали, что однажды Фрелих вернулся домой в неурочный час и застал господина министра в своей спальне, что называется, в костюме Адама. Сцена якобы закончилась для маленького доктора хорошей трепкой. По другой версии, Фрелих застиг тайных любовников на заднем сидении лимузина и ударил Геббельса кулаком в челюсть, после чего досталось и Бааровой.

Как бы там ни было, а костер любовной страсти разгорался всё жарче.

Вот уже и в газетах появились ехидные реплики о близкой приятельнице господина министра.

Слухи становились упорнее день ото дня. Говорили, что Геббельс открыто принимает Баарову в своем доме, не стесняясь присутствием собственной жены, что он оказывает актрисе особые знаки внимания даже на официальных приемах, что он лично патронирует фильмы с ее участием...

Наконец, весь Берлин заговорил о том, что доктор Геббельс – один из ключевых руководителей Третьего рейха – решил оставить не только семью, но и свой важный пост ради обворожительной любовницы. Он будто бы сказал Лиде, что если придется, то он пойдет торговать галстуками.

Поняв, что семейный очаг оказался под угрозой, Магда не стала затевать скандала, но поступила по-женски умно. Она сама стала приглашать Баарову в дом, ласково беседовала с ней и даже как бы потакала мужу в его увлечении обворожительной чешкой.

Магда совершенно усыпила бдительность влюбленных, и теперь только слепой не заметил бы, что между ее мужем и популярной актрисой существует тесная любовная связь.

Расчет оказался верным. Слухи о любовной лихорадке маленького доктора достигли, наконец, ушей фюрера.

Гитлер пришел в ярость. Его ближайший соратник, неизменно пропагандировавший незыблемость устоев брака, собирается уйти из образцовой семьи, связать свою судьбу с какой-то славянкой!

Вызвав Геббельса к себе, фюрер устроил бабельсбергскому бычку такую взбучку, что тот дал слово немедленно расстаться с Бааровой.

Слово-то Геббельс дал, но решил схитрить.

По соседству с Бааровой, жила Ольга Чехова – одна из самых любимых актрис фюрера. В ее загородном доме едва ли не каждый вечер собирались актеры, режиссеры, художники, спортсмены. Среди гостей это в шутку называлось отправиться в Сибирь.

И вот маленький доктор зачастил к Чеховой – якобы для общения с актерами. В действительности же, потолкавшись немного среди гостей, Геббельс прощался и ехал к Бааровой.

Хитрость, однако, открылась, Гитлер был в бешенстве. Он топал ногами и брызгал слюной. Геббельс не на шутку перепугался, поняв, что на этот раз дело может обернуться для него совсем скверно.

Объясняясь с девушкой своей мечты в последний раз по телефону, маленький доктор рыдал в трубку, как мальчишка. Жизнь так жестока и ужасна! – повторял он.

Баарова вернулась в Прагу осенью 1938 года, как раз в ту пору, когда мюнхенский сговор обрек ее родину на утрату независимости.

После освобождения Чехословакии ей пришлось всё же какое-то время провести в заключение – аукнулась ее бывлая связь с нацистским преступником. Впрочем, на допросах она

старалась всё отрицать. Да и позднее не любила вдаваться в подробности на эту тему. Лишь на склоне лет она стала более откровенной.

В 1992 году, выступая в одной из телепрограмм, Баарова призналась, что их роман с Геббельсом продолжался два года, что ей нравились его острый язык и сарказм, что они вместе много смеялись, и что она по-своему любила его, несмотря на разницу в 17 лет.

Умерла она в октябре 2000 года в Австрии в возрасте 86-ти лет.

СРЕДСТВО ОТ СТРАХА?

После первых же военных неудач Гитлер стал всё реже появляться на публике, а после Сталинградской битвы и вовсе сделался добровольным затворником бетонированных бункеров. Лишь один-единственный раз он побывал на представлении оперы Вагнера Гибель богов в Байрейте, а затем практически перестал слушать музыку. Тщетно Ева Браун пыталась склонить его к совместному просмотру фильмов по вечерам – еще недавно столь любимому провождению досуга. Гитлер заявил ей на это: Я не могу смотреть фильмы, когда идет война и народу приходится идти на такие жертвы, а мне – принимать такие важные решения. Кроме того, мне нужно беречь мои чувствительные глаза для чтения карт боевых действий и сводок с фронта.

С этого момента все сферы немецкой культуры, включая кино, оказались в безраздельном подчинении Геббельса.

Геббельс, может, яснее других нацистских бонз понимал, насколько важно в этот период, когда, как следовало из секретных донесений, большинство немцев утратили веру в победу, выпускать такие фильмы, которые хотя бы на полтора часа помогали заглушить страх, отчаяние, мысли о ночных бомбардировках и безрадостном завтрашнем дне.

Чем ближе подступал фронт к границам рейха, тем больше снималось комедий, танцевально-музыкальных лент и мелодрам, где беззаботные персонажи болтали о милых пустяках, слушали вальсы Штрауса и путешествовали по экзотическим местам, наслаждались жизнью на фоне роскошных интерьеров и пышных декораций.

Отдавая предпочтение фильмам легкого жанра, Геббельс изобрел новый лозунг: Война подобного масштаба может быть выиграна только народом, у которого хорошее настроение!

Пропаганда по-прежнему была отдана на откуп новостным роликам, хотя для съемок некоторых сюжетов и сюда привлекались популярные актеры. Так, ввиду страшного дефицита бензина была снята агитка о том, что любимец публики Фрелих добирается до работы, мол, на велосипеде, Хайнц Рюмани – в тележке, запряженной пони, а Ольга Чехова – вообще пешком (что не соответствовало действительности).

Всего же из почти 1100 фильмов, снятых за период правления нацистов, почти половину – 47 процентов – составляли комедии и мюзиклы, 11 процентов – приключенческие ленты, 27 – так называемые проблемные, исторические и биографические фильмы и лишь 14 процентов можно отнести к пропагандистским, да и то нередко с натяжкой. Следует сказать и о том, что был снят ряд антисемитских лент. Но и самая известная из них – Еврей Зюсс – не пользовалась успехом, несмотря даже на то, что ее создателям оказала поддержку сама королева кинодраматургии Третьего рейха Теа фон Харбоу, фильмы по сценариям которой становились обычно гвоздем сезона (Индийская гробница и др.).

Согласно той же статистике, в годы войны свыше 10 процентов населения рейха ежедневно ходило в кино, отдавая предпочтение фильмам легкого или сентиментального содержания. По сравнению с довоенным временем посещаемость кинотеатров возросла в четыре раза.

Берлин уже лежал в развалинах, а в Бабельсберге продолжали снимать очередную комедию с песнями и танцами. Свой последний гонорар актеры получили в конце апреля 1945 года.

ТРОФЕИ ИЗ БАБЕЛЬСБЕРГА

Вскоре после войны на киноэкранах Советского Союза начали демонстрироваться около ста фильмов, получивших название трофейных. Кстати говоря, это были картины, созданные не только в Германии, но и в США, Франции, Англии, копии которых хранились, однако, в

немецких киноархивах. Как правило, это были комедии, мелодрамы и приключенческие ленты (например, серия про Тарзана). Обычно в них отсутствовали вступительные титры, представляющие создателей фильма. Всё начиналось с надписи: Этот фильм взят в качестве трофея после разгрома немецко-фашистских войск в 1945 году, а дальше непосредственно следовало действие.

Одним из самых любимых у советских зрителей стал фильм Девушка моей мечты с Мари-кой Рёкк.

Впрочем, трофейными фильмами дело не ограничилось.

Режиссер Григорий Александров снимал фильм Весна в трофейном павильоне с трофейными декорациями Девушки моей мечты. Любовь Орлова отбивала чечетку на том же полу, что и некогда Марика Рёкк. В числе трофеев оказался и артистический гардероб звезд немецкого экрана.

Да и почти вся недвижимость студии УФА оказалась в советской зоне оккупации. Через несколько лет на ее базе была создана восточногерманская студия ДЕФА, запомнившаяся зрителям старшего поколения, в основном, своими фильмами про индейцев с югославским актером Гойко Митичем в главной роли.

Большинство актеров предпочло всё же перебраться в Мюнхен, где в скором времени при активной поддержке американцев возродилась западногерманская киноиндустрия. Здесь было поставлено немало картин, получивших европейское и мировое признание.

Однако законодателем мод в широком смысле, как это было в 20-е годы, немецкое кино более не становилось.

Глава 6 Случай в тайге / Мистика/

В свое время многие из тех, кто хорошо знал Жихарева и Ерошкина ,удивлялись: как могли сдружиться столь разные люди?

Но вот минул год: и странным начало казаться другое: что же произошло такого, что два неразлучных товарища – Жихарев и Ерошкин – в упор не замечают друг друга, хоть вроде бы не было меж ними ссоры?

История дружбы зарождалась и развивалась у всех на глазах. Немного наблюдательности и сочувствия, и ее истоки стали бы понятны каждому.

История размолвки загадочна.

Быть может, и не стоило бы ворошить прошлое, но ...

Немало воды утекло с тех пор. Так отчего бы не поступить по примеру цивилизованных государств, которые в положенный срок открывают доступ к ранее секретным документам? Это все же лучше, чем всякий раз повторять прежние ошибки.

Приступим...

Они и в самом деле были разными. Жихарев – вертлявый, задиристый, как петух ,вскипающий , будто молоко на жарком пламени , мгновенно чувствующий , где можно урвать кусок пожирнее , а где надо живо спрятаться в кусты: не был он лишен и приятной внешности. Ерошкин же - чудаковатый и незаметный малый, из тех, кого называют недотепами, легко смущающийся, с безвольной всепрощающей улыбкой на лице, черты которого никак не вписывались в эталоны мужской красоты, притом , Ерошкин сутулился и как на грех припадал на пятки.

Впервые судьба свела героев в бригаде монтажников, строивших ЛЭП в окрестностях маленького забайкальского городка, сжатого со всех сторон сопками и тайгой.

Монтажники – народ неприхотливый, привыкший к житью-бытью в вагончиках и палатках. Но на этот раз им повезло: жили в теплой бревенчатой гостинице ,разместившись по два человека в номере. Поскольку общее число рабочих было нечетным то один остался без напарника. Им-то и оказался Жихарев и , конечно : в бригаде его не то , чтобы недолюбливали , но , зная взбалмошный характер , как-то сторонились , особенно в часы досуга - иначе прощай , спокойный отдых!

Впрочем, самому Жихареву было глубоко плевать, кто именно храпит на соседней гостиничной койке. Считая себя удачливым сердцеедом, он каждом новом объекте обзаводился подружкой. При этом Жихарев никогда не гонялся за журавлем в небе, не ждал, когда в душе зацветут сады и не настраивал своей скрипки на возвышенный лад, а выбирал для своей осады такую крепость , которая выглядела доступней и должна была пасть при первых выстрелах.

Доступность – вот на что он ориентируется. С этой точки зрения понятна его тяга к дамам балзаковского возраста, явно не избалованным вниманием, которые уж точно не позволят себе никаких сюрпризов, ко всякого рода невзрачным, нескладным особам, а также к дамам легкого поведения, причем самого дешевого пошиба.

Но вот что характерно: даже с самой потасканной особой он ведет себя как вел бы рыцарь с дамой сердца: целует ручки, читает стихи, обращается на «вы», делает витиеватые комплименты, обязательно дарит цветы – хотя бы один цветочек, в крайнем случае, веточку. Никакой пошлости, ни намек на ругань или грубость!

Ну, а если у дамы через какой-то время стан станет полнее обычного Жихарева это не волновало , ибо это уже женские проблемы.

Словом он мог и не ночевать в гостинице. Ибо в первый же вечер овладел Верой – скромной раздатчицей из городской столовой . Вера старше его лет на пятнадцать , сын служил в армии , сама же Вера жила в просторном бревенчатом доме со старухой-матерью. Однако пере-

пираться по новому адресу Жихарев не спешил, ибо превыше всего ценил личную свободу. По этой причине он время от времени ночевал все же в гостинице.

Между тем в строительном управлении откликнулись, наконец, на слезные мольбы прораба Савелло о подкреплении. Подкрепление прибыло в единственном числе. Это и был Ерошкин, которого тут же подселили к Жихареву.

Очень скоро Жихарев понял, до чего же удобный сосед попался! О чем его только ни попросишь – то ли заварить чай, то ли сходить в магазин, то ли одолжить червонец до аванса – Ерошкин безотказно выполнял просьбу, особенно, если та сопровождалась магическим заключением: «Будь другом!».

«Будь другом!» - и вот уже Ерошкин встает в шесть утра и кипятит воду для машины, пока Жихарев досматривает самые сладкие сны. «Будь другом!» - и Ерошкин в лютый холод вытаскивает и кузова заиндевевший, насквозь замороженный трос, а Жихарев подает команды из теплой кабины...

А в свободный вечер Ерошкин терпеливо слушает пространные монологи Жихарева, его философские рассуждения, воспоминания и байки, причем создается впечатление, что он, Ерошкин, по крайней мере, половину услышанного принял за чистую монету.

Словом Жихарев быстро сообразил, что судьба послала ему истинное сокровище, которое надо беречь и по возможности пользоваться им только самому. Но действовать лаской или хотя бы мягкой лапой у Жихарева при всей его сметливости не получалась. Его злой и непослушный язык брал свое. Стоило Ерошкину на десять минут зайти в другую комнату, как Жихарев под каким-либо предлогом вызывал его и устраивал головомойку. Он вопил на Ерошкина, издевался над его стеснительностью, зло вышучивал манеры. Могло показаться, что он помыкает Ерошкиным как заблагорассудится.

Но все обстояло не так-то просто. Не был Ерошкин ни слабохарактерным добряком, ни мальчиком на побегушках.

Во-первых, по работе он запросто давал сто очков форы и Жихареву, и многим другим. Жихарев, к примеру, лихо шоферил, но первая же поломка ввергала его в уныние, и частенько увязал в болоте, то и дело забывал долить масло и никогда не мог точно рассчитать, на сколько хватит бензина в баке. В эти моменты Жихарева напоминал сатира.

А вот Ерошкин в своем деле был олимпийский бог, титан-виртуоз, герой профессионал высшей пробы. Ас-верхолаз, он преображался, поднявшись на высоковольтную опору. Ноздри раздувались, взгляд становился жестким, движения - уверенными и точными, а голос звучал резко и повелительно, словно он Зевс Кронович Громовержец. С грацией акробата он буквально перепархивал с секции на секцию, шел, посвистывая, без всякой страховки по узенькому уголку траверсы, а подвешивая провод, спускался по гирлянде изоляторов так свободно, будто вниз и не было бездны.

Высота была его стихией. Здесь он царил.

Но спустившись на землю, снова превращался в тишайшего, неприметного паренька. Удивительно ли это? Ведь даже и великие личности, будучи низвергнутыми с небес на землю, быстро теряли в глазах современников свои достоинства. Ерошкин же только тем и занимался, что спускался с небес на землю. Правда, в одном отношении он был счастливее низвергнутых «великих», ибо за каждым спуском следовал очередной подъем.

Притом характер Ерошкина был чем-то сродни забайкальской почве, верхний слой который легко поддается воздействию обычной лопаты, а лежащий глубже успешно противостоит даже победитовым зубьям буровой машины.

Да, Ерошкин безропотно шел на кухню ставить чайник, когда Жихарев просил, вернее требовал этого, но он же, Ерошкин, вынудил Жихарева при каждом удобном случае лезть под машину, чтобы сделать мелкий ремонт; он терялся и краснел под градом острот Жихарева, но он же приучил того перед каждым выездом из гаража обязательно брать трос, лопату и

ведро, так что Жихарев теперь гораздо реже «загорал» в болоте; он, смущаясь, направлялся к неудовлетворенной Вере, чтобы уладить очередную ссору любовников, но он же побудил своего безалаберного товарища терпимее относиться к окружающим и не затевать поминутно беспричинных свар.

Словом, если Ерошкин в чем-то подчинялся Жихареву, то по справедливости следует сказать, что и последний зависел от первого.

Но главное не это.

Болтливый, нахрапистый Жихарев был в сущности одинок.

Молчаливый и замкнутый Ерошкин тоже был одинок.

Ну а когда встречаются два одиноких человека, между ними почти возникает духовная общность.

Как бы там ни было, они крепко привязались к друг другу – подружились, хотя внешние проявления этой дружбы порой казались более чем странным.

В конце декабря трасса были построена. Оставались сущие пустяки-мелкие недоделки, без которых, как известно, не возводился ни один объект. Прораб Савелло разделил бригаду на звенья по два-три человека, и каждому дал задание сообразно с квалификацией.

Ерошкина и Жихарева он послал к дальнему болоту, посреди которого еще прошлой зимой поставили опору, но в суматохе не переложили вовремя провода из роликов в «лодочки». Весной болото зачавкало и к опоре было не подступить, так что пришлось дожидаться новых морозов. Работа была простая, но дорога к опоре – дальней, и поэтому Жихарев пребывал в крайне нервном состоянии.

То ли работать сейчас вблизи городка: час-другой на недоделку, а после со спокойной совестью можно ехать к Вере на пельмени, а затем залить ее лагуну густой белой пеной. Так нет же, изволь терять целый день, крутить баранку по этим клятым сопкам вместо того, чтобы крутить через мясорубку в уютном бревенчатом доме, в тепле и предвкушение сытного обеда. А затем ... «превратить животы его прекраснеликих супругов в ночное платье для сна и подстилку, смотреть на их розоцветные ланиты и целовать их, а их сладкие губы цвета грудной ягоды сосать!»

Нет. Жихарев отбрыкался бы, заморочил бы прорабу голову мнимой поломкой в моторе.

Но Ерошкин уже заверил Савелло, что они сделают в лучшем виде. Так что, непись, Савелло. Все будет ништяк.

И посему Жихарев был страшно зол, на Ерошкина, на его вечную покладистость, так зол, что принародно поклялся преподать жестокий урок, чтобы он почувствовал на своей шкуре, каково портить своей дурацкой честностью настроение другим. От злости Жихарев даже отказал Вере в ночи любви.

Первые километры он дергал машину, резко тормозил, так что Ерошкин едва не ударился лбом о стекло, но постепенно Жихарев остыл и только нажимал на газ, чтобы поскорее добраться до мерзкого болота. Остались лишь досада, что не потискал мягкие груди Веры и вошел в ее сладкое лоно резким толчком еще раз.

День был морозный и ясный. Сосны стояли величественно, словно возбужденный член, прислушиваясь к реву автомобиля, невесть зачем ползущего в дебри. Дорога петляла между сопок, снег на косогорах вспыхивал в солнечных лучах голубоватыми искорками.

Внезапно Жихарев затормозил.

- Во! – вскричал он. – Видишь ложбинку?

Вид отсюда открывался замечательный. Тайга стояла как сказочная. Сейчас – под Новый 1984 год – казалось вполне правдоподобным, что где-то здесь обитают двенадцать месяцев: пройдя немного вглубь и обязательно встретишься с ними со всеми. Наверное, об этом сейчас думал Ерошкин, глядя на заснеженный лес и мечтательно улыбался.

- Вижу, - односложно ответил он.

- Прошлой весной мы здесь рысь убили. А после сожрали.

- Это кошку – то? – удивился Ерошкин, уже десять раз слышавший эту историю.

- Кошку ... Сам ты кошка! Олег Васильевич крутил поначалу носом. А как зажарил ее с лучком, так трескал, что едва челюсть себе не вывихнул. – Он повел машину дальше.

- Рысей и так мало осталось, - тихо промолвил Ерошкин. - А из-за таких, как ты, скоро вообще не останется. Рысь они убили – великие охотники! Голодаешь ты, что ли? Мало тебя твои бабы подкармливают?

- А тебе завидно? Завидно, да?

- Не надо было ее убивать, вот что.

- Да я ведь тебе объяснял, - произнес Жихарев тоном, не предвещающем ничего хорошего, - сто раз объяснял. Она сама на нас набросилась. Голодная была. Ей, понимаешь, ей жрать было нечего! – Он неожиданно взвизгнул «баритональным дискантом»: - Она же Колько загрызть могла! – Тут Жихарев выдержал многозначительную паузу, как бы демонстрируя, каким невероятных усилий стоит ему разговор с бестолковым Ерошкиным и прорычал: - Тебе вообще бесполезно объяснять. Я ведь тебе объяснял, что рысь сама на тебя напала? Ну, отвечай, говорил или нет?

- Говорил, говорил, ладно ... - Ерошкин отвернулся, глядя на мелькающие светло-коричневые стволы.

- Выходит, у нас было право ее убить? – не унимался распалившийся Жихарев.

- Наверное ...

- А сожрать? Имели мы право ее сожрать или нет? Отвечай!

Ерошкин лишь состроил гримасу.

- Ах ты, обезьяна! Ну что за человек, а? Дать бы тебе разок ... - Минуты три Жихарев осыпал спутника бранью. Тот, отвернувшись, смотрел в боковое стекло.

Наконец, поток красноречия иссяк. Еще раз он яростно выдохнул и постепенно замолк. Но уже через минуту вновь обратился к другу с самым миролюбивым тоном:

- Ерошкин ...

Тот молчал.

- Послушай, Ерошкин ...

Молчание.

- Будь другом, Ерошкин...

-Ну?

- Как ты думаешь жениться мне на Вере или нет?

- Женись...

- Вообще-то жениться можно. Ну, старше меня, ребенок уже взрослый, свой дом, участок, скотина, птица. А с другой стороны, торчать в этой глуши неохота. К черту! Хотя... Дом, конечно можно продать и уехать. А вообще-то сразу уезжать неохота. Мне здешняя природа нравится.

- Тогда уж лучше сразу уезжай.

- Это почему же? – вкрадчиво спросил Жихарев.

- Потому что ты здешней природе не нужен.

- Это почему же? – завизжал Жихарев – Ну-ка, лемур мадагаскарский, объясни мне.

- Сколько ты деревьев загубил в лесу, сколько елочек поломал машиной. Разворачиваясь на просеке, как бегемот, лень лишний раз руль повернуть...

- Выходит, я один здесь елочки ломаю? Один? Да? - Жихарев в сердцах ударил кулаком по панели. – Один я такой нехороший?

- В том-то и дело, что не один... - Ерошкин вздохнул. – И рысь вот убил ...

- Ерошкин, не доводи меня!

-Тебе ее не жалко, в этом вся штука. Понимаешь?

Жихарев заскрипел зубами.

-Рысь ему жалко! А меня тебе не жалко? Я тебя как человек спрашиваю – жениться мне или нет?

- Все равно ведь не женишься.

- Заладил! Может, я ее люблю ее.

- Любил бы – не спрашивал бы.

- Ну сволочь! Я ведь у тебя как у друга совет прошу!

-Женись...

Жихарев снова затормозил так резко, что Ерошкин уже в который раз едва не ударился о стекло.

- Ты меня доведешь! Ты меня когда-нибудь доведешь, Ерошкин! Вот ка - ак шибану сейчас машину о дерево! Или с сопки спущу! Черт с ним – сам расшибусь, но и ты меня попомнишь!

Ерошкин отвернулся к окну.

Жихарев крепился до последнего, но вновь вспыхнувшая мысль о предстоящих хлопотах и досада об капризном отказе от лона Веры перед отъездом вызвало в нем очередной прилив раздражения. Он желчно проговорил:

-Ну и зануда же ты, Ерошкин! Так бы и дудел, дудел в свою дудку, пили бы, пилил... Уж я-то тебя знаю. Ты же только притворяешься тихоней. А дать тебе волю – сожрешь человека своими поповскими нравоучениями. Ладно! Я тебе сегодня еще устрою! У тебя эта рысь из чайника твоего ржавого выскочит. И на Верке женюсь. Тебе назло женюсь! Вот так!

И чтобы еще сильнее досадить Ерошкину, он взял руль вправо и проехать по низеньким елочкам, что росли вдоль дороги.

Наконец они выехали к болоту, которое громадным осьминогом улеглось между сопками. В теплую пору оно было совершенно непролазным, но с середины осени промерзло насквозь.

Ерошкин сбросил полушубок, надел монтажный пояс.

- Давай залезем вместе, а, Жихарев? Все же последняя опора на трассе...

Это у них была вроде игра. Подобно тому, как счастливый влюбленный полагает, что все вокруг должны быть счастливы. Ерошкин считал, что Жихарев испытывает невыразимое блаженство, поднявшись на верхнюю траверсу. Еще с лета он настойчиво зазывал Жихарева на опору, на что тот неизменно отвечал:

- Катись ты с ней! Меня хоть золотом осыпь, никогда не полезу ни на высоту, ни под землю. Чего я там не видал? – он говорил пренебрежительно, хотя на самом деле в основе отказа лежал страх высоты, чего Ерошкин понять не мог – так хирург не понимает, как можно бояться вида крови.

- Твое дело, - примирительно ответил Ерошкин. Быстро, но внимательно он осмотрел такелаж и попросил: - Жихарев, завяжи новую петлю на тросике. Эта, видишь, на честном слове держится.

- Ладно, - буркнул тот.

Ерошкин ловко полез на опору, а Жихарев, повертел в руках тросик, с досадой бросил его на землю. – Ничего, выдержит... - Вспышка раздражительности прошла, и он прокричал вслед Ерошкину: - Будь другом! Давай поскорее! К Вере поедem, на пельмени!

Ерошкин не отвечал – он поднимался ввысь.

Никогда Ерошкин, не сумел бы объяснить словами того превращения, которое происходило с ним при подъеме на опору. Но он очень хорошо чувствовал до легкого сладостного головокружения, как с каждым новым метром высоты вливаются в него свежие, невозможные силы.

Горизонт раздвигался. Неоглядное пространство раскинулось вокруг. Ерошкин видел припорошенную снегом тайгу, бессчетные шапки сопок, игрушечные домики далекой деревеньки, дымок, вьющийся из труб, - и это все воспринималось им как единое целое, из которого нельзя вынуть без ущерба не одной пустяковины.

Всякий раз, когда он смотрел вот так с опоры вдаль, его охватывала необъяснимая восторженность, преклонение перед гармоничностью мира, частицей которого он был сам.

-Ерошкин! – еще пуще завопил Жихарев. – Давай!

Ерошкин споро приступил к работе. Особых хитростей она не требовала. Особых хитростей она не требовала. Главное – подвесить к траверсе блок и пропустить через него тонкий гибкий тросик с петлями на концах, да так, чтобы обе петли оказались на земле. А там дело пойдет веселее: одну петлю Жихарев набросит на крюк машины, к другой – привяжет арматуру. Теперь дать машине задний ход, и тросик заскользит по блоку, поднимая наверх привязанный груз. Еще пять-шесть таких же простых операций, и гирлянда с проводом займет подобающее положение. Все это отнимает считанные минуты, особенно если за дело берется такой профессионал, как Ерошкин...

Однако сегодня тот не спешил. Когда он прикасался к заиндевевшему металлу красными обветренными руками, создавалось впечатление, что не руки его мерзнут при этом, а нагревается металл. Наглухо затянув гайки, Ерошкин опять замер наверху, мечтательно улыбаясь. Он как бы позволил себе расслабиться. Все же – последняя опора в нынешнем году.

Но Жихарев не дремал. Понукаемый его воплями Ерошкин, наконец, спустился на нижние траверсы. Закончив с левым проводом, перешел на правый. Последняя опора, последний ролик.

-Ерошкин! Хорош торчать наверху! Скорее! – снова заорал Жихарев. Он уже начал мерзнуть. Яркое солнце, что сияло посредине ослепительно голубого неба, не грело ничуть. Жихарев попрыгал, потоптал ногами, похлопал руками в шерстяных варежках по ляжкам, но теплее не становилось. Он убежал в жаркую кабину, наблюдая оттуда за Ерошкиным, который будто нарочно оттягивал неизбежный спуск с опоры.

Наконец, Ерошкин дал сигнал. На радостях, что заканчивается вся эта волянка, Жихарев подал машину назад таким рывком, что тросик «задрал» гирлянду едва ли не до траверсы.

Повиснув без всякой страховки на двенадцатиметровой высоте, Ерошкин принялся снимать ролик.

И тут что-то произошло. Хотя грузовик мертво стоял на тормозах, гирлянду вдруг дернулась и резко выпрямилась, по всему проводу пробежала волна, и Ерошкин принял довольно нелепую позу, будто пытался обнять гирлянду.

Жихарев, чертыхаясь, вылез на холод. Проклятая петля все же порвалась. Он быстро завязал новую и накинул ее на крюк.

- Жихарев... - слышался сверху спокойно голос.

-Чего?

- Поднимитесь на опору.

- Чего-чего?

- Поднимись на опору.

- Иди к черту!

- Я и так у черта. Мне куртку прищемило, рукав. А тросик выскочил из блока. Я не дотянусь. – пояснил Ерошкин.

- Гмм, не дотянешься... - Жихарев обошел опору и встал как раз под Ерошкиным. - Думаешь, на простачка напал? Так я тебе и поверил! Знаю я твои штучки. На опору хочешь заманить? Плевал я на нее!

Снизу не было видно, действительно ли куртка Ерошкина оказалась зажатой между проводом и роликом, на спокойный тон друга породил у Жихарева сомнения.

- Врешь , Ерошкин! – убежденно проговорил он.

- Жихарев!

- А я вот сейчас в кабину сяду и буду сидеть , пока ты не закончишь. Выпутывайся сам , как знаешь. На опору не полезу. Даже не надейся. Все! – Он действительно сел в кабину, демонстративно грея замерзшие руки в струе тепловентилятора. Выдержки , однако , надолго не хватило. Он опять спрыгнул на снег.

- Ерошкин, висишь?

- Висю. Вишу.

- Ну и виси. Ты серьезно , что ли?

- Не могу , Жихарев.

- Шимпанзе паршивая! Свяжись только с тобой! Обязательно влипнешь в историю.

Награждая Ерошкина всевозможными прозвищами, он подошел к опоре и взобрался на нижний уголок. Нога тотчас соскользнула на обледеневшему металлу. Кое-как Жихарев взобрался на следующий уголок , но когда глянул вниз , голова его закружилась.

- Ерошкин! – закричал он.- К черту! Я не могу.

- Я тоже не могу, отвечал тот. – Не могу ни дотянуться, ни подняться.

- Он не может , баран ! Да ты , видно специально сунул свою клешню в щель , чтобы заманить меня на опору. А если я сыграю вниз? Здесь же одни булыги. Костей не соберешь!

- Поднимись еще немного. Тут опора поуже, будет легче.

- Ай! – Нога Жихарева опять соскользнула , он судорожно вцепился в металл руками и ногами , прижавшись к уголкам всем телом.

- Ты неправильно поднимаешься. Ставь ногу в распорку или на болт. Тогда не поскользнешься. Выше , выше ногу поднимай, - говоря так, Ерошкин извивался всем телом , дергая заклинивший ролик. Внизу была пустота.

- Ногу поднимай ! – передразнил Жихарев . – Что я тебе - балерина?

- А теперь подтягивайся. И не смотри вниз. Вверх смотри – на траверсу.

Но тут Жихарев снова глянул вниз и у него перехватило дыхание , хотя он поднялся едва на три метра. Он ясно представил себе , ка летит вниз ,ударяясь от о расширяющиеся книзу уголки на острые камни , как лопается его живот от удара , брызгает кровь , нечистоты , вываливаются кишки и вонь на всю округу. И весь энтузиазм у него пропал.

Тут же вспомнилась утренняя перебранка с прорабом , согласие Ерошкина , отказ Вере , долгая снежная дорога. И всю дорогу мучающая эрекция. С ужасом, Жихарев ,ощутил прилив могучей эрекции .Жихарев быстро сполз по несущему поясу вниз.

- Ерошкин! Спускайся сам!

- Говорю же, куртку зажало.

- А ты вылез из нее, орангутанг. Я тебе свой полушубок отдам. Ерошкин , будь другом! Я боюсь ... - признался он наконец.

Отчего-то ему показалось, что Ерошкин там наверху, улыбнулся. Ярость мгновенно ослепила Жихарева. Вне себя он выкрикнул :

- Ну, обормот несчастный! Надо бы тебя разочек грохнуться с высоты, чтобы мозги на место встали!

Ерошкин не проронил больше ни слова. Крепче обхватил гирлянду ногами, он начал одной рукой стаскивать с себя через голову куртку и свитер , лишившись на время всякого обзора. И в этот момент нога его, видимо сорвалась со скользкой гирлянды. Ерошкин пытался удержаться, но сейчас он был слеп. Его рука, не знающая осечки, промахнулась. От резкого движения высвободилась куртка и свитер и распластав пустые рукава, с сухим шорохом полетели вниз, следом - Ерошкин. Казалось, что с неба в полной тишине падает группа обреченных людей.

Жихарев отвернулся.

Раздался протяжный хруст , словно разом раскололи мешок орехов.

Жихареву захотелось бежать , бежать , сломя голову , через сопки , куда-нибудь в глушь , где можно было бы остановиться и представить , что все случившиеся – отвратительная фантазия в стиле Калло.

Ерошкин давно уже лежал на снегу , а в сознании Жихарева , так и замершего спиной к опоре , все прокручивалась одна и та же сцена : летящие с неба Ерошкин в окружении свитера и куртки , и этот невозможный хруст ...

Но , некая сила , сродни той , что собирает людей у места катастрофы , заставила его повернуться и шагнуть вперед. «Ерошкин ... Ерошкин, будь другом ...» - стучало в висках.

Вдруг раздался стон:

- Жихарев ...

Тот бросился вперед :

- Ерошкин, живой !

- Жихарев ... Не трогай ... Спина ... Жихарев ...

Да, Ерошкину, крепко повезло. Внизу – как раз в месте падения – высилась груда земли, а на ней – сложенный горкой ящики из-под изоляторов, которые, к счастью, не успели сжечь прошлой зимой , когда грелись у костра. Вот эти-то ящики и произвели хруст, так потрясший Жихарева.

Обнадеживаться, однако, не стоило. В машине Ерошкин сразу потерял сознание, стонал , бредил , что-то шептал сухими , побелевшими губами. Перепуганный Жихарев старался не смотреть в его сторону и гнал, гнал свой вездеход, лишь бы поскорее сбрызнуть Ерошкина на руки костоправам-лекарям, а там уж пусть они за все отвечают ...

Позднее он рассказал прорабу Савелло, как при выезде с болота на подъеме машина забуксовала – там все обледенело! Тогда они вдвоем с Ерошкиным – именно вдвоем! – вскарабкались на сопку, чтобы насобирать на просеке бревнышек и веток и подложить оные под колеса. Он, Жихарев , и пискнуть не успел , как Ерошкин вдруг подскользнулся и сорвался с крутого обрыва. Страх придал рассказу Жихарева такую убедительность, что Савелло тут же начал костерить почему зря Ерошкина за его неуклюжесть и неповоротливость. Жихареву поверили все , да и как не поверить , если каждый знал , что Ерошкин на опоре – бог Аполлон. А с олимпийским богом , когда он наверху , ничего случиться не может. Другое дело – на земле. И притом , как же не поверить Жихареву – лучшему другу пострадавшего?

Тем же вечером Жихарев еще раз съездил на злосчастное болото : подобрал оставленные там в сумятице свитер и полушубок Ерошкина, сжег изломанные ящики, замел все следы. Провод , к счастью , в аккурат улегся в ролик – эксплуатации линии это в принципе не мешает. Если же найдется кто-нибудь дотошный и начнет строить подозрения вокруг этого пакостного ролика , всегда можно сказать , что его не переложили оттого , что прихваченная «лодочка» по дороге выпала из кузова. Да и кто станет проверять в такой глухомани!

Жихарев успокоился.

Первые вести из больницы были тревожными: Ерошкин не приходил в сознание , находясь между жизнью и смертью. И минуло две томительные недели , прежде чем главврач сообщил к радости всей бригады о состоянии Ерошкина , узнав , что тот холост : « До свадьбы заживет».

Известие , что Ерошкин выкарабкался , понятно , больше других обрадовало Жихарева.

Но странное дело: уже к вечеру он занервничал. Что-то здесь не так. С ужасающей ясностью Жихарев понял, что стоит Ерошкину выйти из больницы, как легенда про падение с обрыва лопнет. Пока он отлеживается на койке, его нервы щадят, но потом ... Даже если он уговорит Ерошкина молчать – это не поможет, потому что постепенно того все равно раскрутят, из него выпотрошат все до мельчайших подробностей. Ну, не умеет хитрить этот недотепа , не дал ему бог житейской сетки. И что самое страшное – ему поверят ...

Жихарев боялся думать, что случится тогда. Вставало нечто темное, неизбежное. Иной раз он втягивался в работу и вкалывал на просеке наравне с другими, но вдруг цепенел : казалось, кто-то сильный, грозный, всезнающий подошел сзади и смотрит насмешливо , чтобы через секунду грозно рявкнуть : «Ага! Знает кошка, чье сало съела!» . Иногда он внезапно просыпался среди ночи, будто от толчка , и долго лежал с открытыми глазами и все ему казалось , что вот сейчас распахнется дверь, войдет некто в мокром брезентовом плаще до пят и скажет суровым голосом , уперев в него, Жихарева , палец : « Ага! Признайся, лучше похорошему!» Утром , подходя к участку , он долго собирался с силами, прежде чем войти в прорабку , а войдя , сразу же молниеносным взглядом окидывал товарищей – не хмурит ли кто бровей , не готовится бросить неотвратимое : «Ага!».

Он бы бросил все и удрал , но как же удирать без трудовой , как оставить Веру , ее сочные пельмени , дом , которому нужен хозяин – он , Жихарев. Да ведь жалко же!

Он весь извелся. Будто огромная пиявка пробралась внутри и сосала ,сосала то один нерв , то другой . Он должен был прикусить язык , ломая свой характер.

Но кто же виноват во всем, если разобраться? Ерошкин , один Ерошкин , этот неумейка , этот разиня , притворившийся асом!

И настал день , когда Жихарев понял , что ненавидит Ерошкина.

У Жихарева мелькнула мысль, поначалу даже испугавшая его самого : «Уж лучше бы он разбился...».

А между тем здоровье Ерошкина шло на поправку и , наконец , его выписали.

Увидев его издали, как он –похудевший , какой-то желтый – идет по тропинке , припадая на пятки и делая короткие робкие шаги , Жихарев отступил за вагончик и со смешанным чувством страха , ненависти и жалости наблюдал оттуда за бывшим другом.

Встреча была неизбежна. У Жихарева оставалось две-три минуты , чтобы подготовиться к ней. Но будь у него в западе даже два-три года, он все равно не решил бы, как именно должен поступить.

Ерошкин медленно приближался. Еще немного – и он войдем на участок.

И тогда Жихарев бросился к машине , громко крича , что ему надо долить масла , и на бешеной скорости выехал на дорогу. Ладони у него мокрые от пота, руль так и скользил в них. В соседней рощице он остановился.

О, господи! Бог ты мой! Каждый день видеть Ерошкина! Каждый день. Изгнать , что вот-вот все выяснится. В любую секунду. Ему , Жихареву , надо бы наоборот – еще крепче привязать Ерошкина к себе , не отпускать того ни на шаг , следить за каждым словом , жестом ... Но он не может , не может !

И тут словно кто-то со стороны подсказал ему простую и здравую мысль : ему, Жихареву , следует внушить всем и каждому , что после падения с обрыва (по версии Жихарева) у Ерошкина что-то тронулось в голове , что он, Жихарев, заметил это еще на болоте, но молчал , чтобы морально не травмировать друга. А теперь он просто обязан предупредить товарищей, что Ерошкин все путает и перевирает , и надо быть с ним осторожнее , относиться , как к тяжелобольному человеку. И настырнее, настырнее толкать идею. Ему , как другу Ерошкина , обязательно поверят , да еще сочтут его долгое вынужденное молчание истинной заботой о пострадавшем. И пусть тогда Ерошкин квакает, что хочет , сердобольные монтажники примут его откровения за бред блаженного.

Действительно, все оказалось проще пареной репы, тем более, что прораб Савелло категорически запретил Ерошкину даже помышлять о работе на трассе, ссылаясь на медицинское заключение. Ему вручили лопату, метлу и ключи , и стал Ерошкин сторожить да прибирать. После больницы он сделался еще тише, задумчивее и медлительнее, что лишний раз убеждало в правоте Жихарева. Ночевал он теперь все чаще в прорабке.

А между тем истомившийся язык Жихарева брал свое. От показного сочувствия и горьких вздохов он очень быстро перешел к злой иронии.

Однажды веером после возвращения с трассы в дальнем углу гаража Жихарев вдохновенно импровизировал на тему о том, как Ерошкин якобы привел в сторожку тетю Акулину – пятидесятипятилетнюю уборщицу из гостиницы, и что из этого вышло. Он так увлекся, что не заметил, как вытянулись лица его слушателей. Жихарев инстинктивно обернулся. Сзади стоял Ерошкин с метлой в руках, в черном стареньком халате точь – в – точь как какой-то городской сумасшедший – и беспомощно улыбался, словно его самого поймали за неблагоприятным занятием. Наконец он повернулся и, ссутулившись, побрел прочь держа метлу под мышкой.

А Жихарев после этого случая воспылал еще большей ненавистью к недавнему другу.

Тем временем прораб Савелло решил повысить производительность труда Жихарева, да что-то передумал. Он вычислил, что незачем машине целый день простаивать на трассе, пока Жихарев делает вид, что помогает бригаде. Пускай парень лучше возит на трассу изоляторы со станции. Да чтобы не меньше, чем по три ходки в день!

Жихарев, само собой, сразу же захныкал и заныл – какой он бедный-разнесчастный, чуть что: «Жихарев-туда, Жихарев-сюда!», а попробуй-ка в одиночку возить эти клятые изоляторы по проклятым сопкам, где острые пеньки поминутно рвут резину – запасок не наберешься, да и на станции не допросишься грузчиков, вот и таскай ящики на собственном горбу подобно ишаку.

Эти жалобные причитания, наконец, возымели действие – Савелло великодушно снизил норму до двух ходок. Жихарев тайно ликовав: теперь между ходками у него выпадало два, а то и три свободных часа. Если Вера была дома – можно было насладиться ее телом и ее пельменями, если нет – сладко дремать в машине, где-нибудь в укромном месте. Погода как раз наладилась, теплый ветерок приятно продувал кабину, мошкара еще не досаждала – Гагры да и только!

Одна такая тайная стоянка нравилась ему больше других: заброшенная колея вела по сопке круто вверх и метров через триста упиралась в завал. Вокруг поднимались могучие амурские сосны и заросли высокого кустарника – тут хоть целую колонну прячь, а сам, если хочешь, поглядывай в просветы меж стволами на шоссе – оно с такой высоты как на ладони.

Вот и сегодня, загрузившись, Жихарев зарулил к своему убежищу. Подложил под голову бушлат, уже настроился на отдых, да что-то ногу судорогой свело, и он решил малость поразмяться. Насвистывая и рассеяно поглядывая по сторонам, нетерпеливо прошелся по давным-давно заброшенной дороге. Та представляла из себя песчано-глиняную насыпь, окаймляющую крутой бок сопки, вдоль подножья которой тянулось бесконечное болото, покрытое изумрудными пятнами кочек и редким кустарником. В одном месте насыпь обрывалась вниз почти отвесно – стеной.

Что-то было во всем этом знакомое... Болото, обрыв... Забодай тебя комар! Ведь по легенде именно с такого обрыва сорвался зимой балбес Ерошкин.

Жихарев остановился на некотором расстоянии от края. До чего же мерзкое болото там, внизу. Однако же, каким надо быть наивным простачком, чтобы поверить, будто с такого вот обрыва может сорваться опытный монтажник, хотя бы и зимой. Просто удивительно, как легко поверили в наспех придуманную байку и Савелло, и все остальные!

Жихарев подошел еще ближе к краю. Ну что, что может случиться с человеком, который идет по такой вот насыпной дороге в поисках сучьев и веток? Ведь не слепой же, видит, что рядом обрыв, и незачем туда лезть со своим рылом. А уж сквозь землю тут не провалишься. Насыпь сделана на совесть. Он топнул ногой. Вот такой плотный грунт – хоть танком проезжай. Он несколько раз подпрыгнул, с силой ударяя пятками о землю.

И вдруг... Он даже не успел ничего понять, а только увидел, как вокруг него образуется трещина. От неожиданности он не сообразил отпрыгнуть в сторону, хотя трещина ползла

неспешно , вроде сытого питона , перебирающегося из тени на солнечные место. И тут земля ушла из-под ног , обрушился целый участок насыпи. Рот, нос, уши наполнились глиной , и он сплевывал ,сплевывал , влекомый вниз мягким , но мощным потоком. Потом словно кто-то могучий резко схватил на лету его ступню и с силой крутанул...

Когда он очнулся , солнце светило так же ярко. Он не знал, сколько времени прошло – минуты и час. Он лежал у подножия сопки на узкой полосе глины. Рядом чавкала трясина. Тело было наполовину засыпано грунтом. Он сделал резкое движение , чтобы высвободиться из этого плена , но оно отозвалось такой болью в спине и левой ноге ,что Жихарев не сдерживаясь завизжал, словно поросенок.

Наконец, кое-как он сгреб с себя глину.

От шоссе, до которого было рукой подать, доносился приглушенный гул грузовиков, но Жихарев понял, что его крики и вопли не услышит никто – их погасит стена деревьев, обрыв трясина ...

Он решил ползти краем болота к шоссе. Пополз, волоча ногу , на которую боялся взглянуть , но уже через три метра провалился руками в жижу.

С трудом развернувшись , он пополз назад и вскоре обнаружил , что и там путь отрезан той же жижей.

По сути он находился на небольшой глиняной площадке – полуостровке, который широким клином вдавался в болото , упираясь основанием в отвесный обрыв.

Сгоряча Жихарев решил двинуться напрямик через болото – от кочки к кочке – но тут же глубоко погрузился в вонючую жидкую кашу. Отплевываясь , он пополз назад. Лицо его было в грязи , на губах отвратительный привкус болотной тины.

Отчаяние охватило его , когда он понял , что самостоятельно ему не выбраться. А помощь – когда она придет, и придет ли?

Вряд ли его хватятся раньше завтрашнего утра. Все решат, что он придумал какую-нибудь хитрость , чтобы не делать вторую ходку, и заночевать у Веры. И все будут ругать его по-черному , потому что с трассы придется добираться на попутных, да еще топать до шоссе не один километр. Да, они будут крыть его , Жихарева , последними словами , ничуть не думая что в этот самый час , он , может , погибает. Утром они удивятся , что Жихарева по-прежнему нет. И опять начнется ругань – проспал, мол, Жихарев, так и его разэтак, раскудрить его через коромысло. В конце концов Савеллю поедет к Вере. «Куда же мог подеваться этот бездельник?!» - вот как подумает прораб, узнав, что Жихарева у нее не было.

Потом его начнут искать – на станции, на базе , на трассе. Позвонят в ГАИ. Будут расспрашивать местных и леспромхозовских шоферов. Но ни одной душе не придет в голову мысль, что он, Жихарев здесь рядом, в пяти минутах езды от города тонет в вонючем болоте.

И потом ... выдержит ли он хоть бы одну сегодняшнюю ночь, ведь несмотря на весну , ночи страшно холодные, морозные, а он без куртки, промокший насквозь. Кстати, почему он промок? И тут Жихарев с ужасом убедился , что его полуостровок медленно погружается в болото , пропитывается липкой жижей.

И Жихарев завыл от жалости к себе – бесстыдно, безнадежно, впадая в то состояние , когда рассудок покидает еще здоровое тело.

Что-то задержало его у последней черты, где-то далеко-далеко блеснул слабый лучик надежды. Ерошкин ... Ведь эту схоронку, будь она проклята ,Жихарев обнаружил еще прошлым летом и как-то раз привозил сюда Ерошкина – в самом начале дружбы. Ерошкин помолчал немного, а после принялся внушать : дескать , бригада стоит , ждет такелаж , надо ехать , нехорошо подводить товарищей , и все такое прочее. Он нудел и зудел. В конце концов Жихарев не выдержал, завел мотор.

Этот эпизод потом напрочь забылся, не удивительно ли , что он всплыл вдруг в памяти , да еще так ярко?

Да ,но вспомнит ли об этом Ерошкин? Надо, обязательно надо , чтобы он вспомнил сегодня же ! Надо, чтобы он испытал беспокойство, узнав , что машина не пришла сегодня в гараж. Чтобы не поверил, что Жихарев на полдня отправился ублажать Веру. Он , Ерошкин, должен растормошить Савелло и бригаду, побудить их к немедленному поиску его ,Жихарева.

Слаб ,ох ,как слаб был этот лучик , чтобы высветить им дорогу к спасению , но и он придал Жихареву силы. Видя , что островок намокает все сильнее , он уже не визжит от ужаса , а подполз и принялся сгребать под себя глину.

А захочет ли Ерошкин вспомнить , уколола горькая мысль. Захочет ли беспокоиться теперь , после всего , что случилось?

Жихарев не решался думать об этом. Нельзя сомневаться, надо страстно верить , что пока горит лучик надежды , по нему – почему бы и нет ?- передаются к Ерошкину мысли Жихарева.

Не может быть , чтобы Ерошкин не услышал его отчаянной мольбы. А услышит – обязательно придет!

Солнце между тем садилось и вот уже скрылось за сопками. Холод, таившийся в трясине, как бы обрадовавшись уходу светила ,начал быстро заполнять ложбину. Пальцы Жихарева коченели. Все сильнее ныла спина.

Он переходил от отчаяния к надежде, затем снова к отчаянию и так – по кругу , но крепко держал лучик в сознании.

- Ерошкин... Ну, пожалуйста ...Ладно, я свинья, признаю. Если хочешь – дай мне в морду. Только приезжай, Ерошкин ...

Иногда, впрочем, привычка брала свое , и тогда Жихарев бессильно бормотал:

-Ерошкин! Пьешь себе горячий чай и плевать тебе, что я лежу в этом болоте,замерзаю и скоро сдохну. Ты никогда не был по-настоящему моим другом, Ерошкин!

Но тут же он гнал темные и мрачные мысли. Чего бы он ни отдал сейчас, чтобы увидеть наивную улыбку, услышать громкий голос друга!

- Ерошкин, ну, пожалуйста ...

Потом ему начало казаться, что Ерошкин стоит где-то рядом и слушает. И все теперь зависит только от того, сумеет он уговорить Ерошкина или нет. И Жихарев устыдился.- чего же он боялся все это время : ведь стоило попросить у Ерошкина прощения и все наладиться. А вот теперь требуется совершить невозможное, чтобы стало по - прежнему.

В небе выступили яркие звезды , смолк гул грузовиков , всюду воцарилась ночная мгла , глухо чавкало в болоте. Лицо Ерошкина была рядом.

-Знаешь, что ? – проговорил Жихарев , чувствуя , что наконец-то освобождается от тяжелой злобесной многомесячной ноши. - Если хочешь, можешь оставить меня здесь и уйти. Но только отзовись. Я хочу сказать тебе одну вещь. Скажу, и тогда – все!

Он напряженно вслушивался , но кроме завывавшего гула грузовика и чужих голосов разобрать ничего не мог. Ерошкин молчал. А лучик слабел, слабел , вот-вот и он погаснет совсем. Холод сковал Жихарева. Болото тянулось к нему.

И вдруг лучик ярко вспыхнул, превратившись в ослепительный столб света , бьющий откуда-то сверху.

-Жихарев! – услышал он голос Ерошкина.

И тогда улыбка тронула губы Жихарева. Нет, не о спасении он думал. Он был счастлив , что Ерошкин наконец-то ответил ему. Силы покидали Жихарева, сил оставалось всего на несколько фраз , и нельзя , кощунственно было лукавить сейчас , тратить слов попусту.

- Ерошкин ... - прошептал Жихарев. – Я хотел тебе сказать ... Ты мой единственный настоящий друг. Больше у меня никого нет в целом мире ...

Прошло время. Ерошкин и Жихарев по- прежнему работают в ПМК, на пару метут территорию , сторожат имущество. В бригаду пришли новые ребята, и теперь мало кто помнит , что Ерошкин был когда-то олимпийским богом высоты, а Жихарев – остроязыким провинци-

альным донжуаном , обрюхатившим десяток женщин. Живут они в одном вагончике. И когда Ерошкина и Жихарева видят вместе ,ни одному человеку, даже наделенному богатым воображением, не придет в голову назвать эти сумрачных людей друзьями.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.